

ЛУИ РУБО

Louis Roubaud

84. (4 Ф 12) Р-8.

У
В

ДЕТИ КАИНА

(Les enfants de Caïn)

Перевод с французского

О. К. НЕЧАЕВОЙ

ЧИТ. ЗАЛ

КНИГООХРАНЕНИЕ
г. Комсомольск
ул. М. Островского

Принято 1956 г.

Издательство «Мысль»

ЛЕНИНГРАД

Обложка
работы художника
В. Тронова.

1945

Ленинградский Гублит № 8226. Тираж 5000 экз. — 9.

Гос. уч.-пр. школа-типография им. тов Алексева. Ленинград, Красная, 1.

«Тут был особый мир, ни на что не похожий... заживо мертвый дом, и люди особенные».

Достоевский.

„Записки из Мертвого дома“.

Обитатели Мертвого Дома пришли туда разными путями.

Они говорили: «Не умели жить на воле...» «Чорт трое лаптей сносил, прежде чем собрал нас в одну кучу...»

Но я только-что видел в специальных школах детей, которые никогда не станут людьми. Их выбросили из жизни и делают все, чтобы они никогда не могли к ней вернуться: они обречены навсегда остаться мертвыми.

Э Й С

У МЕНЯ ЧЕТЫРЕ ПРИЯТЕЛЯ

Вилльнев-сюр-Ло, се итябрь.

У меня четыре приятеля в исправительной колонии в Эйсе...

Первый делает сетки от мух.

Второй штопает и чинит белье.

Третий обучается столярному мастерству.

Четвертый сидит в карцере.

Я хочу их вам представить, хотя наши отношения очень случайны и наша дружба совсем недавнего происхождения.

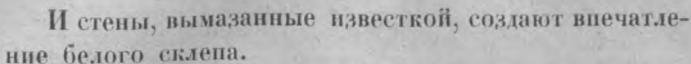
Труве (Фредерик) впервые предстал передо мной, стоя на вытяжку, руки по швам, как исправный солдатик, застигнутый врасплох ревизующим генералом. Голубые глаза, освещавшие лицо робкого мальчугана, избегали моего взгляда. Полные щеки, волосы будут черные, когда это позволит машинка.

— По местам... смирно!

Командует сторож в синем мундире с красными звездами на воротнике.

Молодые работники застывают перед столами, на которых нагромождены клубки веревок.

Окна позволяют судить о безнадежной толщине стен.

Вот звон раздался благозвучный,
Но слуху нашему докучный:
Гласит сегодня, как вчера,
Что сетки делать нам пора.
Труд этот свойство то имеет,
Что всякий от него дуреет.

Труве (Фредерик) показывает мне свою работу. Это нечто в роде сетки с бахромой... чтобы предохранить лошадей от мух.

— Да, г-н директор.

Почему этот пятнадцатилетний мальчик делает веревочные сети?

Еще совсем недавно он обучался в сапожной мастерской.

Один из товарищей провинился перед ним, а на него находят приступы бешенства. Сапожные инструменты могут оказаться смертельным оружием. Здесь, при сетках, он имеет под рукой одни веревки.

За что он попал в Эйс?

Он прислан из Белильской пенитенциарной колонии. Там воспитанники работают в полях, без всяких оград. Он дважды, трижды пытался сбежать. Они не могут уйти далеко, море окружает со всех сторон, и когда не умеешь управлять лодкой... За третий побег полагается высшее наказание: исправительное отделение в Эйсе.

А до исправительной колонии в Белиле?

Это питомец попечительства. Его поместили в крестьянскую семью. Он с ними не ужился, у него дурной характер...

А раньше?

Фредерика Труве в возрасте около двух лет подобрал на одной из парижских улиц полицейский и отвел его в участок.

Вот его происхождение... и его преступление.

* * *

Второй мой приятель, Поль Булен, маленький штопальщик, чинит рубашки и штаны из грубого полотна в такой же мастерской под надзором такого же си-него сторожа.

Он прислан из Сен-Мориса за непослушание. Туда он был отправлен за воровство с витрины. Суд оправдал его, как действовавшего без разума, его вернули бы матери, но она как-раз оказалась арестованной за подобное же преступление.

Поль Булен — угрюмый рыжий мальчишка.

— Стой как следует перед г-ном директором.

Он выпрямляется.

Я не могу рассмотреть его глаз. На его совести тяготеет какое-то преступление.

Быть может, он смеялся в дортуаре? Или передал записку из одной мастерской в другую? Или, недовольный своей слишком длинной курткой, разорвал ее в надежде получить другую, более подходящую по росту? Не запрятал ли он окурков в своих сапогах?

Нет, Поль Буле испытывает смутное ощущение вины.

Как он может верить в свое оправдание, если он ест те же бобы, что и его осужденные товарищи (красные за обедом, белые вечером), если он проводит свой двенадцатичасовой рабочий день в том же тягостном молчании, если он подчинен тем же законам, тем же утеснениям.

Он в праве повесить голову.

Ребенок повинен в том, что мать его находится в тюрьме.

*
*
*

Мой третий приятель, Жан Риго, похож на маленького нищего Мурильо. У него прекрасные печальные глаза и бледное лицо.

Его отец был раздавлен машиной во время работы, мать не удовлетворилась пенсией и связалась с каким-то сомнительным субъектом, бросив мальчика на набережных Марсея.

Г-жа Риго была лишена материнских прав, а Жан передан патронажу.

Учреждения, опекающие «покинутого ребенка», «преступного ребенка», занимающиеся «возрождением», «перевоспитанием», умножаются с каждым годом.

Закон 1912 года ассигнует им 2 фр. 50 сант. в день на ребенка. Патронажи ставят детей на работу и обращают их заработок в свою пользу.

Благотворительность является, в сущности, очень выгодным промыслом.

Жан Риго был помещен к столяру: он подметал, подбирая стружки и бегал по поручениям. Его охватила тоска по марсельскому порту, по просаленным мешкам, откуда всегда сыплются вкусные фишашки.

Теперь он строгает доски в мастерской исправительной колонии.

Разве он не заслужил наказания?

* * *

Роберт Гишар, мой четвертый приятель, пользуется на некоторое время отдельным помещением. Гостиница, где он находится, состоит из большого зала, в который выходят все комнаты.

Гишар в 18 номере. За первой деревянной дверью следует вторая, решетчатая.

— Откройте решетку!

— Вольно!.. Ну что же, ты теперь в лучшем расположении?

— Да, г-н директор...

— Ты хочешь вернуться в башмачную?

— Да, г-н директор.

— Посмотрим! Но ты мне дал обещание: когда г-н надзиратель или г-н воспитатель делают тебе замечание, ты не должен отвечать дерзостями.

Мой друг опускает свой упрямый лоб. Ему здесь плохо. В карцере нет никакой мебели, ни одного стула, и он принужден стоять целыми днями. Окно с железной решеткой так высоко, что не видно даже неба.

— А твоя сетка?

— Я кончу ее сегодня.

— Если кончишь сегодня вечером, я верну тебя в башмачную.

— Благодарю вас, г-н директор.

— До свидания!

Сторож запирает решетчатую дверь, затем деревянную.

Гишар остается один за двойными дверьми, за двойными запорами. Окончив сетку, он будет размышлять.

Его непослушание навлекало на него целую серию замечаний и легких наказаний: его сажали на сухой

хлеб, а то и заставляли стоять неподвижно у стенки.

На днях г-н воспитатель сделал попытку устыдить его.

— Гишар, ты не должен бы забывать, за что ты здесь. Ты убил своего отца, Гишар!

— Да, г-н воспитатель.

— И ты изрубил его труп.

При этих словах мой друг возмутился:

— Это неправда!

Он побледнел и бросил в лицо наставнику целый поток отборных ругательств.

Успокоившись после нескольких дней карцера, он объяснил:

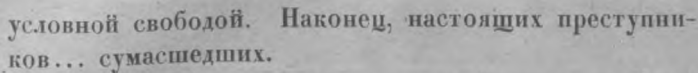
— Я не могу позволить говорить неправду: я его не изрубил, а только разрубил пополам.

Он приговорен к двенадцати годам и выйдет из колонии только на тридцатом году.

* * *

Я не случайно представил вам моих новых друзей. Это типичные представители всего населения детских исправительных колоний, которые я думаю посетить в течение этого месяца.

Там я найду питомцев общественной благотворительности, которые обнаружили дурной характер: маленьких воришек, оправданных судом, но не имеющих солидных родственников, детей из патронажей, которые не оценили их попечений и злоупотребили

Быть может, я не увижу «детской каторги», быть может, не встречу палачей.

Но передо мною раскрывается бездна детского страдания.

Вильнев-сюр-Ло, сентябрь.

Хорошенький несуразный городок с извилистыми переулками и несколькими широкими улицами, на которые высыпались террасы многочисленных кафе.

Я должен идти по большой дороге до первой каштановой аллеи и по каштановой аллее до бенедиктинского аббатства.

В течение шести веков монахи завоевывали себе небо, твердя свои молитвы среди мертвой тишины монастыря и переписывая ученые труды разноцветными чернилами на вечных пергаментах.

В XI году, в один из дней фруктидора, келии достопочтенных отцов были заняты каторжной командой—грубыми, неотесанными людьми, бандитами в грязных блузах. Аббатство превратилось в центральную тюрьму. Баимаки сменили манускрипты, но тишина не была нарушена.

И сейчас Эйс – и монастырь и тюрьма одновременно.

Сперва вы проходите через двор с казармой, где в настоящее время нет солдат, затем проникаете под низкий свод, в котором сторож в мундире точно вырыл себе берлогу троглодита, и вы видите дверь.

Перед вами декорация Бакста, страшный, обветшалый символ: «Оставь всякую надежду».

Железные засовы, гвозди, решетчатые окошечки, огромный замок: дверь тюрьмы—тяжелая дверь.

* * *

За нею живут мои четыре приятеля и их триста товарищей.

— Войдемте.

Вращающаяся стена не скрипит, как этого невольно ждешь, на своих сильно смазанных петлях, и г-н директор — не тюремщик.

У г-на Гране седеющие волосы, медлительные жесты и несколько усталое лицо. Г-н главный надзиратель, обильно расшитый золотом, с целой связкой ключей, которые он носит как атрибут власти, отдает мне поклон по-военному.

— Идем...

Мы идем по мощеным дворикам, по белым коридорам с истертыми плитами, по старым каменным лестницам.

— Проходите, прошу вас...

Кухня имеет вид кочегарки.

От котла из желтой меди поднимается довольно аппетитный запах. Повара стоят навтыжку. Они равно-

— Где ты его схватил?

— На Сомме,* во время войны.

Это Матанье (Рауль). Шестнадцатилетним мальчиком он раздобыл себе солдатскую одежду и отправился вслед за полком. Его приняли. Как-то вечером во время одной из стоянок он завел девочку в лес, задушил ее и закопал в песок.

Матанье пробудет в колонии двадцать лет.

Это благонравный?... Исправится ли он?

* * *

— А ты?

— У меня болит нога, г-н директор.

— Покажи твою ногу.

— Наколелся о булавку, г-н директор.

— Которую ты воткнул сам, чтобы попасть в лазарет?

— Нет, г-н директор, клянусь вам.

Жакеле, белокурый мальчуган, остался сиротой на попечении сестры; та была арестована за бродяжничество, а он поплыл по течению: патронаж, устройство на работу, побег...

Это скверный мальчишка, он никогда не исправится!

* * *

— По местам, смирно... по местам, смирно... по местам, смирно...

Мы посетили все мастерския. Портные шьют только форменную одежду. Башмачники упражняются главным образом в изготовлении башмаков с деревянными подошвами. Столяры пополняют тюремный инвентарь. Кузнецы и жестянники выделывают кое-какие инструменты, кое-какую утварь... Наконец, имеются сетки от мух.

Вот как мой друг, поэт, описывает свой день:

Вот наше времяпрепровождение:
В шесть часов утра настает пробуждение.
Вставай, хоть не выспался—сущее мучение.
Утром нам приходится выносить параша—
Самые прискорбные обязанности наши.
Затем стройся, равняйся, в умывалку являйся.
А потом звонит колокол: жрать приготавлийся...
Идем все в столовую, в ногу маршируем.
Кормят там не густо: не долго пируем...
И вот опять колокол: по мастерским пора.
Там плетем мы сетки: сегодня, как вчера...
Противней работы не выдумать нарочно:
Чуть вспомнишь о сетках, делается тошно.
А когда пробьет одиннадцатый час,
С головой усталою итти надо в класс...
Надо до двенадцати писать или читать.
В двенадцать — в столовую: обед наш съедать.
После нам прогулка на час разрешается,
Только в этот час душа и утешается.
Увы, слишком скоро сладкий час проходит.
И вот опять колокол свой припев заводит.
Опять в мастерския мы должны итти,
Снова ненавистные сетки плести.

Должен каждый к вечеру кончить свою пару.
Глушый труд дурманит, подобно угару...
До пяти часов над сетками сидим.
В пять часов выходим, немного поедим.
А затем занятия школьные опять:
Историю или другое что надо изучать.
Потом—марш в столовую: ужин получаем:
Полубелый хлеб да бобы поглощаем...
А в восемь часов—колокол опять:
Это значит: надо отправляться спать.
Запрут в дортуары нас, как птичек в клетки...
Заснем... и приснятся нам проклятые сетки.

Мой бедный друг, когда, достигнув двадцатилетнего возраста, вы выйдете отсюда с вашими маленькими сбережениями и перед вами откроются двери жизни, что вы делать будете?

Писать стихи или плести сетки?

С У Д

Вильнев-сюр-Ло, сентябрь.

— Сколько дел, г-н надзиратель?

— Восемь, г-н директор.

Г-н старший надзиратель смачивает палец и перелистывает:

— Вот Греню, Лабер. Еще... еще Эрве, Рикар, Альбэн, Гольди...

— Это только шесть.

— Да еще Бальзара и Анри Симон.

Большой пустой зал с эстрадой. На эстраде длинный черный стол и четыре стула. Гипсовый бюст Республики на стене. Нет мест для публики, ни скамьи подсудимых, ни пюпитра для адвоката. Какой-то незаконченный трибунал.

«Суд» состоит из четырех членов: президент — директор, член суда — старший воспитатель, один из воспитателей — прокурор и главный надзиратель — секретарь.

Г-н главный надзиратель в отпуску, и сегодня я занимаю его место.

Заседание открыто.

* * *

Синий сторож выполняет функции судебного пристава и жандарма.

— Введите первого подсудимого.

Сторож открывает маленькую дверцу в глубине зала, и Греню подходит решительным шагом. Голова его острижена наголо, и в глазах сверкает злоба.

Воспитатель читает обвинительный акт.

«Жозеф-Альфред Греню получил разрешение взять паяльную палку у одного из своих товарищей и, возвращаясь на свое место, нарочно мешал работающим. Надзиратель приказал ему обойти их, чтобы не делать беспорядка. Греню отказался повиноваться и ответил: «Я здесь не для того, чтобы исполнять ваши капризы».

— А кому ты ее передал?

— Вы прекрасно знаете, г-н директор, что с моим характером на такие вопросы не отвечают...

Лишение матраца на восемь дней.

* * *

Третий обвиняемый.

Ему тринадцать лет, но на вид кажется семь. Его не видно, когда он подходит слишком близко к сценической эстраде, и приходится нагибаться, чтобы с ним говорить. Он слушает чтение без страха, на лице его почти не видно огорчения.

Эрве (Луи), несмотря на запрещение надзирателя, сам вымыл свою одежду и прожег ее в нескольких местах, просушивая на печке.

— Зачем ты мыл свою куртку?

— Она была грязная, г-н директор.

— Она тебе не нравилась, и ты сжег ее, чтобы получить новую?

— Нет, г-н директор, она была грязная.

Два дня на черном хлебе с правом на сокращение срока маленькому Эрве.

За ним следует калека Ригар, — по каменным плитам раздается стук его деревянной ноги.

Бегающие глаза и квадратная челюсть придают ему мрачный и свирепый вид.

Он периодически является на суд все с одним и тем же обвинением: он рассердился.

Когда Ригар сердится, он отвинчивает свою ногу и, размахивая ею, как дубиной, набрасывается на одной ноге на своих соседей. Может произойти убийство. Его утомили с трудом. Вчера в столовой он принялся снова: десять дней карцера.

* * *

Альбин — маленький боязливый мальчик. Он работал на ферме, вне тюремной ограды. Вчера на глазах своего надзирателя он принялся бежать по дороге, как сумасшедший. Его остановили на расстоянии трехсот метров.

— Ты хотел удрать?

— Да, г-н директор.

— Тебе не нравится на ферме?

— Нет, г-н директор.

— Почему?

— Я всех боюсь.

* * *

Бальзара из сифилитического отделения получил записку от Лабера, но он в этом не виноват. Это болезненный мальчик. Его арестовали в Марселе в женской одежде. Он будет лишен порции мяса на один обед.

* * *

Последний обвиняемый — Анри Симон.

Пристав читает:

«Приведен в суд по собственной просьбе».

Большой, худощавый мальчуган с девичьим лицом, который смотрит на нас кроткими глазами. На рукаве у него две нашивки: за хорошее поведение и трудолюбие.

— Это что еще за фантазия?

— Я хочу в карцер, г-н директор.

— Ты с ума сошел, Симон. Послушай, ты, может быть, хотел со мною переговорить? Ты хочешь на что-нибудь пожаловаться?

— Нет, г-н директор: я хочу в карцер.

— Ну, ну, это не может быть всерьез. Ты знаешь, что до сих пор тобою были довольны. За твои нашивки ты получаешь по воскресеньям и четвергам мерку вина или кофе. Тебе дают сыр и варенье. С тебя сняли фотографию. Ты имеешь право отпускать волосы и усы, когда они покажутся. Послушай, не хочешь же ты, в самом деле, чтобы тебя остригли?

— Нет, г-н директор, но все-таки я хочу в карцер.

Г-н директор сердится и говорит более внушительным тоном.

— Образумься, Симон! Ты помнишь, что я тебе обещал. Я нашел тебе место в городе, у парикмахера.

— Спасибо, г-н директор, но я хочу в карцер...
И он разражается рыданиями.

Какая участь этих маленьких людей? Многие из них уже познакомились с детским судом, прежде чем попасть в колонию, и вот их держат в атмосфере судилища.

Другие явились в Эйс, еще не побывав на скамье подсудимых. Не репетируют ли они роли для будущего?..

Заседание закрыто.

ТЮРЕМНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Аген, сентябрь.

От исправительной колонии в Эйсе до пенитенциарной в Аниане, которую я посетю завтра, путь лежит по трем магистралям с узловыми станциями, пересадками и долгим ожиданием в станционных буфетах.

Идет дождь. Я могу собрать свои заметки.

ловаться. Потому что, если он приговаривает вас с правом на досрочное освобождение, это значит, что осужден надзиратель.

Г-н старший надзиратель.

У него две золотых нашивки и связка никелированных ключей. Едва ли он очень зол. Однако...

— Двадцать два! Вот старший!

Его взыскания равносильны тяжелым наказаниям.

Тут царит дисциплина. До добра не доведут бунты в роде тех, которые были в Аниане, Белиле и других местах. Воспитанники сформировались в батальоны, пришлось вызывать солдат...

Он недоверчив.

Надзиратель.

Синий мундир с красной звездой на воротнике. Если он правит каретой директора, он — кучер; если охраняет дверь — швейцар, если надзиратель за мастерской — плац-майор.

Он из военных, служил прежде в центральной тюрьме, где нет детей.

Он командует: «По местам, смирно!» Он кланяется по-военному и вытягивается перед вами в струнку.

— Все в порядке, г-н директор: пятнадцать налицо!

Он «скучает», и иногда ему забавно «докучать» другим.

«Когда за мной пришли в среду, пятнадцатого в шесть часов утра, я только-что просил бога послать мне испытание... Оно ли это? Да будет-воля господня.

Но, г-н директор, умоляю вас выслушать мою просьбу: неужели вы будете препятствовать моему призванию? Смогу ли я без страха выполнять мои религиозные обязанности. О, вы не можете знать, как велика любовь истинного христианина к своему призванию. Не будьте жестоки, не мешайте мне работать, чтобы ответить на призыв господа.

Простите меня. Голова моя горит. Я уже не колонист, я человек, я христианин. Я должен вернуться в колонию; я исполню свой долг. Если человек оставляет своих братьев, господь с ним. Как только будет возможно, я покину мир и сделаюсь миссионером...»

«Благонравный».

У него нашивка за хорошее поведение и трудолюбие; он причесывает свои черные волосы на пробор и закручивает, как только может, подрастающие усы. Право быть нестриженным, небритым он приобрел долгими годами образцового поведения.

Растительность, укрывающая череп и губы питомцев, близких к освобождению, уже придает им вид свободного человека.

Ривьер был приговорен на пятнадцать лет. Он уже отбыл восемь. Однажды, по дороге, он спрятался с ружьем за домиком дорожного сторожа и выстрелил. Убив человека, он убежал, ничего не украв. Это убийца-диллетант.

К нему будет применена льгота. Тяжелая дверь Эйса распахнется.

А Н И А Н

А Н И А Н

Аниан, 7-го сентября.

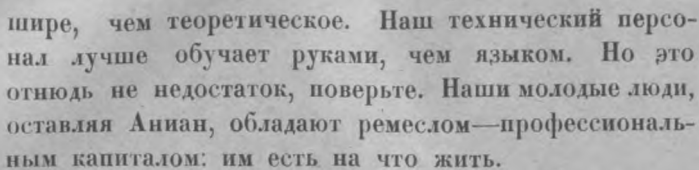
В тридцати милях от Монпелье, среди созревших виноградников, каменистых склонов и сосновых рощ, стоит другое бенедиктинское аббатство, насчитывающее двенадцать столетий. Но спускаясь словно с американских гор по дороге, которая выбрасывает вас по середине большой деревни Аниан, вы прежде всего видите современные четырехугольные здания, высокую трубу с султаном черного дыма.

Фабрика скрывает монастырь.

Воспитанники живут в монастыре и работают на фабрике. Сводчатые галереи превратились в дворы; мы проходили в дортуары по прекрасной лестнице с кованными железными перилами, которых, по преданию, касались руки св. Бенедикта. Г-н Но, директор, живет в квартире настоятеля.

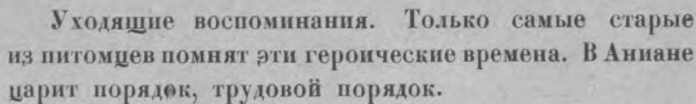
Жесткие седые усы, сухое, бледное лицо, добрые глаза. Он похож скорее на начальника завода, чем отца-аббата. И действительно, это — директор технической школы.

— Мы можем соперничать с государственными школами, — говорит он. — Практическое обучение здесь

Перед самой войной в стенах колонии разыгралась целая революция. Происходили настоящие сражения. Артиллерия, кавалерия и жандармы Монпелье вступили в бой с армией воспитанников.

Министр юстиции самолично сместил г-на директора. Произошли и другие перемещения, отправки в Эйс. Но, как это часто бывает, смилившиеся зачинщики обратились в прекрасных помощников. Так самые свирепые из якобинцев стали лучшими генералами империи.

Я должен посетить пятнадцать мастерских, где фабрикуется сто пятьдесят предметов; модели их выставлены в музее.

— Вот тележка, которая на рынке стоит тысячу восемьсот франков; нами же она была предоставлена государству за шестьсот. Это серьезная экономия. И все другие предметы обходятся втрое дешевле:

— Ничего, г-н директор.

Г-н Но поворачивается ко мне и протягивает ножницы.

— Вот!

Мы идем к машинам, которые доставляют маленькому промышленному городку его электрическую жизнь: двигательную силу и свет.

Крупный парень с обнаженным торсом управляет стальными чудовищами.

— Что ты умел делать?

— Ничего, г-н директор.

В механической мастерской допрашивается маленький блондин.

— Что ты умел делать?

В кузнице наш приход не прерывает работу воспитанника, который тяжелым молотом кует раскаленную сталь. Наконец, он останавливается.

— Нет, нет, продолжай! А то испортишь работу.

— Что он умел прежде?

— Ничего, г-н директор.

— Посмотрите на эту решетку. Ведь это—шедевр! Мы преподносим ее городу Аниану для мавзолея, который собираются здесь воздвигнуть.

— Кто же это сделал?

— Вот они! Прекрасная работа, друзья. Ну, а что вы раньше умели делать?

Правда, теперь они умеют пользоваться своими руками. Но как это тяжело дается.

Нельзя вымолвить слова, выкурить папиросу.

Колеса вертятся, маленькие серебряные змейки выползают из-под напильников, кузница раскрывает свою раскаленную глотку, новые котлы опускаются в свои серебряные ванны.

— Г-н мастер, вы им довольны?

— Прекрасный работник, г-н директор.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Я займусь тобой. Я постараюсь устроить тебя во флот.

— А тебе?

— Восемнадцать.

— Ты будешь работать для артиллерии.

— Благодарю вас, г-н директор...

— В прошлом году нам было предложено сто шестьдесят вакансий, а с января этого года уже сто двадцать четыре.

Редко случается, что хозяева возвращают их нам из-за неумения работать. Мы делаем из них прекрасных работников...

Но как это тяжело!.. Нельзя обернуться, чтобы взглянуть на товарища или на потолок.

Высоко помещенные окна дают свет, но закрывают пейзаж.

Если остановишься, мастер спрашивает:

— Ну что же! Не поставить ли тебе кровать?

И так каждый день в течение десяти часов, летом и зимой, которые так хороши в Лангедоке.

Бобы утром и вечером, вода, разбавленная вином, мясной паек—все это поглощается в двадцать минут.

На двориках можно оставаться очень недолго.

Здесь производят и военные упражнения... По вечерам классные занятия затягиваются на два с половиной часа. Голова и руки отяжелели.

Г-н преподаватель пишет на доске цифры и чертит карты...

Подремывают...

Тяжело...

* * *

Но Аниан окружен виноградниками, и к сентябрю грозди уже поспели.

Те, кто обладает сильной волей, кто не испортил работу, не потерял нашивок за поведение, отправляются на сбор винограда.

Сегодня и еще три недели более полутора ста воспитанников работают в полях. В этой местности почти все крестьяне—виноградари и нуждаются в рабочих руках на время сбора. Дверь тюрьмы открывается, воспитанники отправляются на ферму. Они пользуются мясом, вином и открытым небом.

над головой. Солнце печет: можно измазаться до-
красна мелким виноградом, можно пожирать целыми
гроздьями крупные зерна арамона и курить папиросы...
Кажется, этому не будет конца.

Когда последние грозди брошены в давилню, надо
возвращаться.

Тут начинаются побеги.

Всем известно, что это глупо, что вас поймают и
на будущий год не пустят на сбор винограда...

Денег нет ни гроша. На тридцать километров кру-
гом вас всякий узнает. Но это не действует...

*
*

Вчера Сарлен получил рабочий костюм, чтобы
отправиться на сбор винограда на ферму Торинг.
Он был уже совсем готов. Он попросил разрешения
увидеть г-на директора.

— Ну что, ты доволен? Теперь погуляешь?

Сарлен опускает голову.

— Не посылайте меня, г-н директор. У меня не-
хватит мужества вернуться.

КРОВЬ В МАСТЕРСКИХ

Париж, сентябрь.

Эйс — исправительная колония, Аниан — «индустри-
альная», Белиль — «земледельческая и мореплаватель-
ная».

Завтра я буду на острове Белиле.

* * *

Мои друзья в Аниане, которых мне удалось разглядеть в высоких мастерских среди машин, наковален и тисков, продолжают влечить свои суровые дни.

Другие останутся еще несколько дней на солнце, среди виноградников. Еще неделя—и сусло наполнит чаны, последние грозди будут выжаты. Они снова увидят «обезьяну», которая направляет им напильник, подгоняет их руки и не позволяет мечтать.

Мастер суров, как и его работа. Он не любит, чтобы зевали по сторонам и размышляли... И он, быть может, прав.

Я, разумеется, видел на полу только опилки, обрезки, кусочки кожи или материи. Другие видели там кровь.

* * *

Это было не так давно. У этой кузницы, где сейчас двое дюжих молодых, окруженных снопами искр, производят попеременными ударами молота свою оглушительную музыку, работал Рамалье.

Рамалье был бойкий мальчуган. Благодаря нашивке за трудолюбие, он имел право на жареный картофель и вино по четвергам. Но эти «пиршества» отягчали его, и он начал лениться.

Мастер предупредил его.

— Если будешь так продолжать, ты лишишься нашивки, мерки вина и жареного картофеля.

Он их лишился.

Рамалье не сказал ни слова, не пожал даже плечами и ничего не пробурчал сквозь зубы. В течение трех дней он принялся за работу и выполнил урок: работа была чистая, отчетливая, ничего нельзя было сказать.

Мастер радовался.

— Одних надо брать чувствами, других желудком.

Он стоял перед наковальней и руководил работой.

— Стой, не так.

Рамалье находился близ очага, в котором краснел раскаленный железный стержень.

Он схватил его, направил против мастера, точно шпагу, и вонзил ему в живот.

* * *

В башмачной мастер руководил пятнадцатью воспитанниками. А дома у него было семь своих, которые жили на его скудное жалованье.

Воспитанник Мерлен был не плохим работником. Он уже перешел на тонкую работу и выделывал башмаки для выходящих на волю.

Но он не всегда аккуратно работал и заслуживал некоторых замечаний. Не все имеют такой характер, чтобы выносить брань.

И Мерлен ударил своего мастера лезвием в спину.

* * *

Жюльен из котельной не желал зла ни сторожу, ни мастеру, ни воспитателю; он был со всеми в ладах, кроме воспитанника Рибуте.

Дело было летом... в час отдыха все растягиваются на кроватях. Жюльен удрал, сбегал в мастерскую за пилой для разрезания цинка, возвратился в дортуйар, осторожно открыл камеру своего врага и ужасным инструментом вскрыл ему живот.

Аниан не «исправительная» колония, как Эйс. Сюда помещают только смиренных.

ПЕВЧИЕ

Здесь не приходится выбирать религию, религия здесь одна: религия священника. Можно ее принять или отвергнуть, или пренебречь ею, но другой здесь нет.

— Кто еще не был у первого причастия? Кто хочет причаститься?

— Все!

В такие дни для неофитов готовится прекрасный обед с бифштексом и десертом.

Магомет бен Магомет тоже пожелал идти к первому причастию.

— Но ведь ты же мусульманин?

— Моя обратился.

Это был самый лучший обед в его жизни!

В воскресенье, в восемь часов, все отправляются в часовню под звуки барабана и трубы. Никто не хочет пропустить обедню.

Желающих прислуживать в церкви больше чем нужно священнику. Он отбирает самых благочестивых и должен установить очередь.

«ТРУДНО ОСТАТЬСЯ ЧЕСТНЫМ»

Я только-что получил письмо от одного из бывших анианских питомцев.

«Семьи у меня не было: как «непризнанное, незаконное дитя», я, чтобы скрыть грех моей матери (ей было шестнадцать лет), был отдан одной соотечественнице. Эта итальянка, получив деньги за молчание и за оказанные мне необходимые заботы, в свою очередь передала меня другой особе, обещав ей вознаграждение. Последняя, ничего не получая и будучи слишком стара, чтобы направить меня на добрый путь, воспользовалась тем, что я стащил у нее несколько грошей, и заставила меня арестовать.

Никто меня не требовал, и суд отправил меня в пенитенциарную колонию до совершеннолетия.

— ♦ —

Там со мной обращались хорошо, и я ни разу не навлек на себя наказания.

В девятнадцать лет я попал под льготу и вышел на свободу.

Было бы слишком долго описывать те физические и душевные страдания, которые я перенес после освобождения; без близких людей, без доброго совета трудно, клянусь вам, остаться честным.

Вот почему я благодарю вас за доброе намерение.

Помогайте им и до и после.

Е. Б., бывший питомец исправительной колонии в Аниане.

Я не решаюсь подписаться».

* * *

Не подписывайтесь! Я вас знаю! Я вас только-что видел во многих лицах! Завтра, когда малыши вытянутся перед г-ном директором...

— По местам, смирно...

Я прочту вашу историю во многих глазах.

БЕЛИЛЪ

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ, НАПОЛОВИНУ ПОГРУЖЕННОЕ В МОРЕ

Пала (остров Белиль), сентябрь.

Здесь кончается Киберонский полуостров, который кажется таким узким среди голубых вод Средиземного моря и зеленоватых волн океана.

Вместе с тремястами экскурсантами, — вооруженными кодаками, нанимаем небольшой буксир.

Киберон ступшевывается, вырисовывается Белиль. Два небольших маяка Пала белеют, как сахарные головы; нахмурившаяся крепость подавляет чистенький городок.

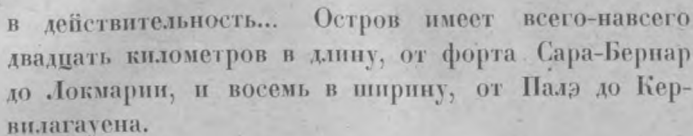
Сперва надо взобраться на гласис крепости по узкой тропинке среди леса. Широко открытый портал, с надписью на своде: «Земледельческая и мореплавательная колония», свободно впускает вас в цветущий сад.

Как здесь хорошо!

У этой тюрьмы нет стен; зато бездонный ров—море...

— Здесь, — говорит мне г-н Маркет, — наши дети могут считать себя свободными.

Это чудесный мираж до того момента, как какой-нибудь положительный ум пожелает превратить его

✱ ✱ ✱

Чтобы украсть лодку, надо отправиться в Палэ или Сазон.

Галибер и Сулье пасли стада на ферме... Ни одного надзирателя... Дело было вечером. Стоит только оставить здесь коров и баранов и спрятаться за какой-нибудь скалой на жеребьячем мысу. Завтра на рассвете можно решиться.

На следующий день маленькие пастухи зафрахтовывают лодку; они не умеют обращаться с парусом, но каждый забирает по веслу... С ними каравай хлеба, бутылка вина и немного жевательного табаку... До свидания, в путь! Вначале почти весело, солнце встает, туман застилает берега. Там, вдали — Киберон.

Руки быстро немеют, но если отдыхать, лодка идет назад. Утлое суденышко доплыло таки на следующий день до маленького пляжа у Портивви, но там пришлось броситься в воду.

Галибер не умеет плавать: он барахтается, хочет ухватить Сулье, который вырывается и исчезает...

Через несколько дней в бухте св. Петра находят его тело, разбитое о скалы.

И Сулье забрали в Карнаке, среди менгиров — этого призрачного полчища окаменелых воинов, которые снят здесь с незапамятных времен, стоя на дюнах.

Другой раз два другие малыша... Почти такая же история. Но их нашли в море к западу от острова в обморочном состоянии на дне протекающей лодки.

Другой раз...

Голубой ров непреодолим... Из Белиля не убегают.

Этот морской оазис служил местом заточения в течение долгих веков.

Кемперлинское аббатство ссылало сюда своих беглых рабов. Революция поместила здесь непокорных новобранцев; затем тут были осужденные мятежники, их сменили престарелые каторжане, бунтовщики коммуны.

Теперь здесь маленькие матросы и мальчики, работающие на фермах: воспитанники.

Моряки живут в От-Булонь, на гласисе цитадели; земледельцы — в Брюте-Суврен, среди норманского пейзажа.

Среди большого открытого двора можно найти тень только у бортов учебного судна, водруженного на цементном цоколе; огромная игрушка...

— По местам!..

* * *

Я хочу взглянуть на «Ароак».

Г-н Маркетт сопровождает меня до гавани Пала, где онивартовалась белая шхуна. По его знаку шлюпка отчаливает и плывет за нами.

«Ароак» — солидное и крепкое судно.

— По местам, смирно!..

Нас принимает капитан, крупный краснощекий малый; молодые матросы выстраиваются на сверкающей палубе.

— Ага, вот Ютен... Как дела?

— Гм... гм... — вздыхает капитан.

— А Леру? Дело налаживается?

— Гм... гм...

— А Жермон? Вы довольны Жермоном?

— Я думаю, он будет хорошим моряком...

Капитан, улыбаясь, смотрит на воспитанника и, поднимая к реям свою мозолистую руку, добавляет:

— ... не без нескольких добрых зуботычин.

* * *

Другой капитан Белиля, командир «Дарьена», тоже уехал однажды со своими маленькими матросами.

Это были добрые малые, большие парни, вроде тех, которые стоят теперь передо мной, руки по швам. И он, разумеется, был добрый морской волк... вот как этот...

На судне были остроги для селедок.

Однажды Гойземпик ошибся и хватил своего капитана острой по спине. Тогда другие подняли капитана, накиннули ему петлю на шею и повесили на мачте...

Был вечер... Красное солнце на горизонте наполовину опустилось в воду...

Две мили от берега...

ФЕМИСТОКЛ ПРАВИТ БАЛ

Палэ (остров Белиль), сентябрь.

Заведующий называет это «баней».

В официальных отчетах, тщательно отредактированных, это именуется «дисциплинарный взвод».

Но мы скажем, как все: «бал».

Маленький бал дается на открытом воздухе у дверей столовой. Это арена, где наказанные могут ежедневно предаваться спорту от двенадцати до часу дня.

Но большой бал происходит в крытом зале— первое строение налево при входе в колонию.

Цементный и паркетный пол. Овальная дорожка, по которой приходится бежать, не широка. Она не годится для состязаний, нельзя перегонять лидера и удаляться от веревки, иначе рискуешь упасть, так как бегущий упражняется на высоте тридцати сантиметров от пола... Если он оступится, он разобьет

себе нос о нижний пол, где стоят синие сторожа с красными звездами, а у синих сторожей крепкие подошвы на сапогах.

Одного кавалера недостаточно для бала.

Чтобы организовать бал, необходимо, по крайней мере, шесть танцоров. Можно дойти и до двадцати.

Круг начинается в девять часов утра и кончается в пять вечера с часовым перерывом для завтрака. Нормальный ход 7—8 километров в час. Он нормируется надзирателями с часами и палкою в руках.

Танцуют босиком, как в древности.

Заведующий прав. При таком темпе бал быстро превращается в паровую баню. Кружатся, кружатся без конца. Вожак подгоняется палкой, а другим остается только приклеиться лбом к спине товарища и не отставать от него ни на один сантиметр.

Во время паузы опускаются на центральный паркет и ложатся.

Дорожка вертится сама по себе.* Двое надзирателей превращаются в четырех; кажется, что у них по две головы, по восемь рук...

Но головокружение проходит, предметы возвращаются на свои места и все останавливается. Надо начинать снова.

Случается, что один из танцоров не слышит сигнала и продолжает неподвижно лежать на животе. Удар сапогом не пробуждает его. Его переворачивают на спину, и перед вами смертельно бледное лицо и широко раскрытые, не видящие глаза...

— В лазарет.

* * *

Иногда случаются странные инциденты.

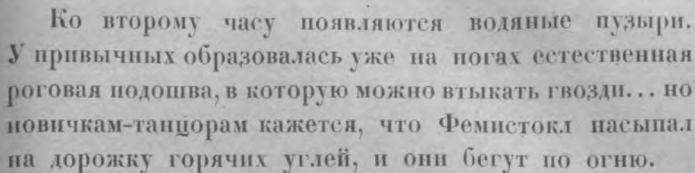
Предположим, что танцующих двадцать—максимум. Первый берет слишком крутой вираж, второй, который у него вплотную за спиной, еще более приближается к краю дорожки, третий совершенно автоматически отделяется на несколько сантиметров от веревки, у четвертого уже почти вся нога наружу... а пятый падает в середину лоханки и прочие пятнадцать за ним.

Получается каша.

* * *

Самым знаменитым учителем танцев был г-н Ламур (Фемистокл).

Фемистокл был дюжий белокурый гигант. Он мог бы сгибать железные брусья на ярмарочной площади, но судьба привела его сюда. Душа и сердце соответствовали мускулам, и он правил бал не хуже, чем сам сатана, с непреклонной мягкостью, с неумолимой заботливостью.

Во время паузы они хватают ту ногу, которая горит сильнее, и сжимают ее руками, чтобы заглушить огонь.

Фемистокл обеспокоен?

— Дело не налаживается?

— Мои ноги опшарены...

— Покази...

У новичка на ногах огромные мешки, белые или черные, смотря по тому, наполнены ли они кровью или водой.

Фемистокл принимался за лечение. Он выщипал из игольника просаленную нитку и осторожно, один за другим, вскрывал пузыри.

— Готово...

Около полудня, в середине бала, каждый может получить мерку горчанки. Пить воду вредно. Кружка как-раз содержит порцию, но обычай требует предложить Фемистоклу.

— Мерку горчанки, г-н Ламур.

— Спасибо, малыши... У вас и так немного...

Но это только формальность.

* * *

Кутанзо был одним из изгоев белильского бала.
— Я предпочел быть отправленным в Эйс, чем продолжать.

После бала еще не конец. Нам хочется пить... и заведующий г-н Роллан изобрел штучку.

Нам приносят в пищевом котелке дымящийся суп; ложка стоит в нем, как в горшке с клеем.

Этим супом можно приклеивать афиши.

Ни капли воды.

Попробуешь ложечку, а остальное... выбросишь в ведро.

Г-н Роллан, прижавшись к глазку карцера, наблюдает за пиршеством. Затем он приоткрывает дверь и осведомляется:

— Ну что... хорошо ли покушали?

* * *

Сон заменяет пищу.

С пятьюдесятью километрами в ногах он не заставляет себя ждать.

В карцере имеется матрац и одеяло. Но горло горит, ноги горят, в желудке огонь. Через некоторое время кажется, что эти три очага воспламенили все тело, и повсюду чувствуешь уколы огненных язычков.

Просьпаешься, встаешь и отряхаешь рубашку.

Огненные язычки—это клопы.

КУТАНЗО НЕДОВОЛЕН

Пала (остров Белль), сентябрь.

Г-н Маркетт провел меня в дисциплинарное отделение.

Он приказывает:

— Г-н старший надзиратель, откройте какой попало, не ищите. Вот этот, например...

Г-н надзиратель дважды ударил в дверь своими ключами, заглянул в глазок и открыл.

Маленький пленник стоит, прижавшись лицом к стене под слуховым окошком, засунув руки за пояс штанов.

Полуоборот направо...

— Ну, подойди...

— А, это опять Гуаффье... что ты наделал... ты никогда не успокоишься.

Карцер совершенно пуст: натертый паркет, белые стены, окна на высоте потолка.

— Они находятся здесь только во время еды и ночью. Днем они на свежем воздухе... Они носят песок. Вы можете сами убедиться, что им не вредно.

И действительно у Гуаффье недурной вид.

— Какой карцер хотите вы еще посмотреть?... Вот этот?... Тот?..

И у других пленников недурной вид.

— Разве они всегда должны стоять на ногах, прижавшись к задней стенке?

— Нет, они могут лечь на пол, но они должны встать на вытяжку, повернув спину, когда открывают дверь.

— Почему?

— Чтобы не вцешиться вам в горло.

ТОМА БЫЛ ОБЖОРА

У них недурной вид... Однако Тома несомненно был голоден. Он был обжора. Уж если ему нехватало нормальной порции, то дисциплинарный паек был сплошной насмешкой над его желудком.

После бала он злобно выбрасывал свой клейкий сун. Г-н Роллан входил в карцер и спрашивал:

— Нет аппетита?

Я не видал лица Тома после сорока пяти дней карцера, но мой приятель Кутанзо поклялся мне, что он был совершенно истощен.

Все отделение ожидало его выхода.

Когда он проглотил свою порцию, каждый предлагал ему что-нибудь поесть.

— Тома, еще немного хлеба... Бери мое мясо... Вот мои бобы...

Он не мог проглотить все в течение двадцатиминутного обеда, но, когда он встал, в карманах

у него оказалось пятнадцать порций мяса, десять порций хлеба...

В дортуаре слышали, как он ел целую ночь.

По утру он не вышел из своей камеры... Он лежал в корчах на кровати. Его тотчас же отвели в лазарет, где он умер, не проболев и недели.

«ПЕСОК» И «ВОДА»

Г-н Маркет сказал:

— Переноска песку — очень гигиеничная работа.

Но Кутанзо утверждает, что он все-таки предпочитает «бал».

— Вы идёте по военной дороге и спускаетесь на берег. Надо пройти сквозь тоннель, пробитый в скале; там есть лестница в пятьдесят ступеней.

Внизу вы наполняете ваш мешок песком или галькой, в среднем около тридцати килограмм, вы кладете его на плечо и поднимаетесь... Какими длинными кажутся пятьдесят ступенек, ваши плечи становятся багровыми.

И Кутанзо добавляет:

— Я «бал» предпочитаю «песку», но «песок» предпочитаю «воде».

— Что такое «вода»?

— Надо носить шайки с водой из колодцев в прачечную; шайки тяжелые с тонкими душками, которые режут вам руки. Зимой прямо-таки плачут.

— С Фемистоклом, вы знаете, шутить не приходилось. Однажды я только повернул голову, чтобы сказать что-то товарищу. Это запрещено. Фемистокл дал мне донести шайку, не сказав ни слова. Но, придя в прачечную, он схватил меня за шею и погрузил в бассейн. Это было в январе—я остался целый день в мокром платье.

— Однако у вас недурной вид, Кутанзо.

— Да, ничего себе... а вы как?

«КОМПАС» И «ЛИНЕК»

Перед большим судном, водруженном на цементном цоколе по середине двора, г-н Маркет пояснил мне:

— Это старое учебное судно «Город Палэ». Теперь оно не употребляется и является только символом, вывеской для мореплавательной колонии.

— Оно употребляется,—сказал мне Кутанзо,—оно употребляется для обучения морскому регламенту, морским сигналам, компасу... Есть такие, которые никак не могут понять компаса. Тогда вас заставляют взобраться наверх на самую высокую мачту, на брам-рею, и там привязывают вас и компас перед вами.

И это зимой при северо-восточном ветре.

Через два часа вы все поняли.

«Город Палэ» — не только символ.

Но Кутанзо утверждает, что здесь еще гоняют по трапам.

Имеются два веревочных трапа, которые ведут на брам-рею: один—с кормы, другой—с носа. Трое марсовых старшин, вооруженные линьками, становятся: первый—на палубе, близ лестницы, второй—на середине ее, третий—на брам-рее. Вы снимаете башмаки и поднимаетесь босиком. Первый напутствует вас ударом линька по пальцам, второй стегает по подошвам, третий заставляет спуститься таким же способом. Вы проделываете это двадцать, тридцать раз и как можно скорее.

— Марсовые старшины—это надзиратели?

— Нет, воспитанники, как мы.

ГЕНОЛЕ БОЛТАЛ В ДОРТУАРЕ

В дортуаре должно царить гробовое молчание. Но находятся такие, которые все-таки болтают. Это раздражает, потому что надзиратель не может их поймать. Он бросается на звук голоса и на случай срывает с дверей две или три фишки.

Однажды была взята фишка Геноле.

На другой день в пять часов утра из строя выкликают наказанных.

— Геноле.

Геноле не шевелится.

— Эй, Геноле...

Товарищи толкают его, он приближается к надзирателю, который объявляет приговор:

— Пять дней у стенки за то, что болтал в дортуаре.

Геноле разводит руками, он ничего не слышит. Надзиратель узнает его.

— Геноле, да это глухонемой...

Я ПЛОХО РАССКАЗАЛ ИСТОРИЮ «ДАРИЕНА»

— Г-н Рубо, вы плохо рассказали историю «Дариена». Это не была шхуна, как «Ароак», а баркас для ловли сардинок. Командиром был г-н Бюрлю. Гойземпик был среди матросов. Я его знал, он был очень добрый. Но это был бретонец с крепкой головой и упорными идеями...

И каких он только ни получал ударов. Последний раз Бюрлю пустил в ход ключ. Прямо в глаз. Глаз Гойземпика раздулся, как яйцо, как куриное яйцо. Тогда-то он и задумал побег. Другие к нему присоединились.

Судно находилось в двух милях от берега, и г-н Бюрлю заснул на дне баркаса. Гойземпик взял брус от руля, встал на расстоянии метра от капитана и бросил ему брус в голову...

Г-н Бюрлю проснулся, схватился руками за лоб.

— Что? Что такое?

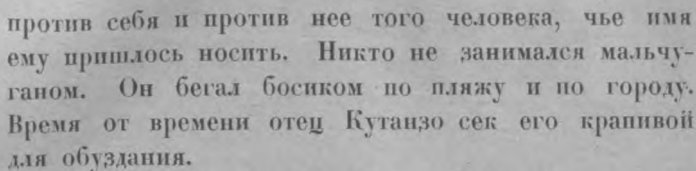
Но Гойземпик ударил брусом второй раз, череп раскололся и вытекли мозги. Тогда они испугались. Они уже не думали о побеге. Они завернули капитана в брезент от паруса, отвезли его к берегу и положили на скалу. Затем они прожили четыре дня без пищи, пока их не забрали.

Я ИЗВИНЯЮСЬ ПЕРЕД Г-НОМ МАРКЕТ

— Г-н Маркет, я перед вами извиняюсь... Вы меня любезно приняли. Вы показали мне мастерския, фермы и суда вашей колонии... Я уверен, что вы прекрасный человек; вы делаете все, что вы можете и как можете, с теми средствами, которыми вы располагаете. Несчастья этих детей выше ваших сил, как они выше и моих. Вы стараетесь выполнить ваш долг с возможно большей гуманностью. Я же счел своим долгом дать слово и Кутанзо.

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ КУТАНЗО

Мой приятель Кутанзо родился в маленьком бретонском городке. Он появился на свет как плод греха, который без него мог бы остаться в тайне: еще не родившись, он выдал свою мать и вооружил

Однажды он был в церкви. Полицейский агент схватил его за ворот.

— Это ты вытащи́л деньги из кружки?

— Нет, не я...

Суд оправдал его, как действовавшего без разумения, и поместил в исправительный дом до совершеннолетия.

Он прошел Сент-Илер, Белиль, Эйс.

Он прошел бал, песок, воду, карцер, сетки...

И он недоволен.

«Д Е В К А»

Г-жа Кернонкуф, кормилица Рауля Бошан, ничего не знает. Одна старая женщина, г-жа Эмиль, принесла ей малютку с очень богатым приданым. Было уплачено за год вперед. Каждую неделю писали в Париж г-же Бошан, и ответ приходил на шикар-ной бумаге.

Когда ребенок заболел, было прислано дополнительно двести франков на лечение. Г-жа Кернокуф даже дала из них пятьдесят франков приходскому

священнику, так как лучшее средство против судорог — это все-таки «евангелия».

Через шесть месяцев, когда г-н Кернонкуф поехал в Париж, жена поручила ему навестить г-жу Бошан. Но вместо нее он нашел частную почту: «Некая г-жа Эмиль приходит за письмами... больше ничего не известно!...»

Он оставил записку. С того дня — ни слова. Он подождал шесть месяцев, так как было уплачено вперед. Г-н и г-жа Кернонкуф не имели средств усыновить Рауля, его отравили в попечительство.

* * *

По всей вероятности, его мать была изящная женщина, а отец благородный джентльмен. Рауль был красивый и нежный мальчик. Сначала его поместили к каретному мастеру, но там он ничего не делал, и его приходилось даром кормить за его 2 фр. 50 сантим.

У фермера, куда его потом отдали, он ни за что не хотел оставаться на ночь в конюшне, потому что боялся. Он вытаскивал свой тюфяк на двор... Не стоило его держать на этой работе.

Был он и на других местах... прежде чем попасть в Метрэ.

Это большой двор, на который выходит двенадцать домов и церковь.

Его назначили в дом Б., и вечером, когда один из учеников показывал, как взлезать на койку, он услышал за спиной слова, произнесенные шопотом:

— Смотри... «Девка».

Такова его участь.

* * *

— Хотел бы я видеть вас, г-н редактор, на нашем месте... Не знаю, в каком возрасте это у вас началось. Или, быть может, вам это не нужно.

Здесь есть парни, лет шестнадцати, восемнадцати, двадцати.

Можно не есть, не курить, даже не пить, но без этого обойтись нельзя. За «Девку» стоит отсидеть пятнадцать дней в карцере.

* * *

Рауль Бошан был хорошенький мальчуган с белокурыми стриженными волосами, большими голубыми глазами, в темной полотняной блузе и деревянных башмаках. Зимой здесь разбивают камни под навесом, а летом работают в полях или на виноградниках. Кажется, здешнее вино не плохо, но надо заслужить нашивку, чтобы его отведать.

После вечернего супа и молитвы вешают койки. «Дядька» храпит в своей постели.

В первый раз Рауля разбудили внезапно. Он закричал, увидев перед собой, почти под самой лампой, толстого Марке.

— Жж... жж... жж...

Это над его головой. Решетка слегка колышется...
жж... жж...

Рауль видит, как в углу левой перегородки движется взад и вперед тоненькая палочка: это нацильник...

Камю понадобилось восемь дней, чтобы пропилить пятьдесят сантиметров решетки, и все эти восемь дней ни Камю, ни Рауль не спали...

Один раз сторож, совершая ночной обход, остановился у его камеры. Рауль счел себя спасенным, он нарочно ворочается в кровати, чтобы привлечь внимание, он даже встал. Он споткнулся о ночной горшок. Сторож взял его фишку, и на следующий день его посадили на сухой хлеб.

В течение этих восьми дней Камю и Рауль не разговаривали друг с другом, делали вид, что друг друга не замечают. Камю — крупный парень, всегда грязный; никто не смеет смеяться над безобразящей его лицо заячьей губой, так как на него находят приступы бешенства.

Рауль мог целую неделю рассматривать его на дворе. Ему приходило в голову пойти к надзирателю и показать ему решетку, но это рано или поздно стало бы известным...

* * *

— Когда я явился в Белиль,—сказал мне Кутанзо,—они увидели, что я не люблю несправедливости и имею достаточно крепкие кулаки, чтобы заставить себя слушать.

Я имел немало объяснений как с воспитанниками, так и с надзирателями.

Когда Бошан узнал меня, он подошел ко мне и спросил.

— Хочешь, чтобы я был только твоей женой?

— Г-н Рубо, это не по моей части, вы можете просмотреть мои наказания, за это—никогда. Но я дал понять другим, что это так. И они его оставили в покое.

* * *

Раулю Бошан теперь восемнадцать лет; он пользуется условной свободой: его определили во флот. Г-жа Кернонкуф навестила его.

— Это уже мужчина,—сказала она—но он мил, как девочка.

И глубокомысленно прибавила:

— Он был создан, чтобы быть хорошо воспитанным.

К Л Е Р М О Н

БАШНЯ ПАДШИХ ДЕВУШЕК

Клермон (департ. Уазы), сентябрь.

Я только-что видел Мари Лазаль в замке «Отверженных Девушек».

Она находится теперь в подвалах замка; я должен был спуститься по винтовой лестнице, ведущей в подземелья, в которых клермонские графы замуровывали своих врагов. Это—сырые погреба без воздуха и света.

Г-жа Скоффони меня успокаивает:

— Мы их не употребляем.

И действительно, карцер Мари Лазаль освещен слуховым окном с железной решеткой. Маленькая пленница, извещенная звяканьем ключей о нашем появлении, ждет нас, выпрямившись. Это — блондинка, в глазах ее светится отблеск убогого неба, еле видного сквозь слуховое окошко; клетчатый синий с белым халат ее не безобразит.

— За что ты наказана?

— Г-жа инспектриса, я здесь по собственному желанию.

— На тебя опять нашло?

— Да, г-жа инспектриса.

— А теперь?

— Завтра с этим будет покончено, г-жа инспектриса...

Мари Лазаль, спустившись в подземную тюрьму, «покончила с собой» на две недели. Быть может, Луиза Муссон раскается, что довела ее до такого отчаяния, ни разу не взглянув на нее среди томительной тишины мастерской.

* * *

Обыкновенно она находится во втором этаже, в исправительном отделении и работает в белошвейной. Ее прислали из другого отделения, которое называется «пенитенциарной школой».

— Как она туда попала?

— Надо познакомиться с ее историей:

Мари Лазаль было двенадцать лет, когда любовник матери «усыновил» ее и дал ей свое имя.

Это был высокий бледный парень, промышлявший чем попало.

Через два года умирает мать.

Мари очень велика для своего возраста; квартира, в которой она живет с Лазалем, состоит всего-навсего из одной комнаты. Ну...

* * *

Лазаль не держат и двух дней на одном месте. В былое время мать Мари прокармливала всю семью...

Достаточно было при наступлении вечера выйти на улицу и поджидать, «напевая»...

Теперь настала очередь за Мари.

Сначала она не решается, но Лазаль сердится. Она уступает.

В один из таких вечеров ее забрала полиция. Г-н комиссар отправил ее в тюрьму. Детский суд оправдал ее, «как действовавшую без разума», и «направил в пенитенциарную колонию вплоть до совершеннолетия».

За нею приехала надзирательница.

Она поднимается по крутой дороге, окаймленной цветущими садами. Пусть она хорошенько всмотрится в цветы у портала, она уже не спустится вниз ранее, как через шесть лет.

Стены высоки, тяжелая дверь захлопнулась. Ей дали передник с синими клетками.

* * *

Вопреки своей матери, вопреки своему приемному отцу, вопреки улице Мари осталась невинной девушкой.

Но здесь надзирательницы называются «старухами», сторожа «дядьками», а старшие воспитанницы разговаривают с вами, как мужчины.

Разве можно любить «старух»?

Против них составляют заговоры иногда по пять, по шесть человек.

Являются «дядьки» и умирят бунт ударами деревянных подошв.

Однажды Мари Лазаль последовала примеру других. Сторож надел на нее смирительную рубаху.

На суде г-н директор и г-жа инспектриса приговорили ее к пятнадцати дням карцера. По выходе оттуда она переменила отделение и стала работать в исправительном.

Там она встретила Луизу Муссон. Ее глаза были такие нежные.

Когда Луиза Муссон перестала на нее смотреть, она попросилась в карцер и «покончила с собой» на пятнадцать дней...

Завтра Мари Лазаль поднимется во второй этаж башни.

Г-жа Скоффони ведет меня туда по старой каменной лестнице.

— Здесь чудесный вид.

Действительно, замок «Отверженных Девушек» господствует над зеленой долиной: большие деревни с шиферными крышами, парки с их новыми замками, расположенными над бархатными лужайками, леса, небольшая речка, виадук, железные дороги...

При входе г-жи инспектрисы девушки в мастерской встают.

— Сидите, дети!.. Продолжайте вашу работу! Что ты делаешь, Гийоне? Вяжешь?

— Это шерстяной платок...

— Все тот же...

Когда Гийоне оканчивает работу, ею овладевает бешенство, и она распускает платок петлю за петлей. Завтра она начнет снова, все с той же шерстью.

* * *

— Где ножницы?

— Они у меня, г-жа инспектриса, — поспешно отвечает надзирательница...

— За ними надо хорошенько смотреть.

На всю мастерскую только одна пара ножниц... Каждая работница пользуется ими, когда ей нужно. Они могут быть страшным оружием.

И однако на-днях Луизетта Фонтанино сумела их захватить.

Накануне привезли новенькую.

Она приехала из города, и у нее были подстриженные волосы.

Фонтанино распустила свои косы и обрезала их несколькими ударами ножниц.

— И мне, Фонтанино!

— И мне!

— Обстриги и меня.

Теперь все девушки в башне причесаны по-модному.

* * *

Все, кроме Марты Алабле. Эта — самая дисциплинированная. Она здесь с тринадцати лет и ни разу не заслужила наказания.

Когда г-жа Скоффони говорит о воспитаннице, та, на которую она указывает, встает. И я вижу у окна тоненькую, хрупкую Марту Алабле. На ее переднике нет ни одной складки, тщательно причесанные волосы обрамляют лоб скромной пансионерки. Она смотрит на нас с почтением.

— Почему она в этом отделении?

— Мы просили для нее условного освобождения, но министр отказал.

Марте было тринадцать лет, когда родители отдали ее в няньки к соседям.

Ей приходилось смотреть за двумя малютками. Работа ей не нравилась. Ей хотелось вернуться домой.

Однажды она села на голову одного из близнецов и задушила его.

Родители ничего не заподозрили и не отослали ее после смерти малютки.

Она убила второго.

* * *

Мари Лазаль выйдет завтра из карцера и поднимется в башню.

Она будет ждать.

Через пять лет она достигнет совершеннолетия: она сядет в вагон в синем шерстяном платье, совсем новом, с несколькими десятифранковыми билетами в своем дорожном мешке.

И она вступит в жизнь.

«ЗАПИСКИ»

Клермон (департ. Уазы), сентябрь.

Так легко закрыть глаза: страдание проходит мимо вас, но вы его не замечаете.

Когда оно прошло, вы говорите себе: «Мне это было бы слишком тяжело. Есть раны, на которые лучше не глядеть».

Да, но, если никто на них не смотрит, кто же их исцелит?

* * *

По ночам Анжель Пари продавала в кафе букеты.

— Букет для мадам?

Она умела угадывать, кто из мужчин не решится отказать.

— Три франка!

Вечером она отдавала выручку своему старшему брату. Но старший брат занимался темными делами.

Однажды он попался. Суд, которому он уже раньше был известен, приговорил его к заключению на два года.

Анжель была еще девчонка, ее отдали крестьянам; она сбежала. В поезде кондуктор «воспользовался» ею.

И вот она в Клермоне, в замке «Отверженных Девушек». Ей шестнадцать лет. Она никогда не слышала ласкового слова.

* * *

Когда я приехала, г-жа инспектриса позвала меня в канцелярию и сказала:

— Ты не дурная девушка, я уверена, что ты хорошая: то, что с тобою случилось, не так уж важно, но ты жила в дурной компании и могла бы там испортиться. Если ты приложишь немного усилий, мы сделаем из тебя честную женщину. Через год и даже раньше мы можем устроить тебя в городе, и ты научишься служить в домах. А потом тебе приищут мужа...

На другой день г-н доктор освидетельствовал меня. Мне было стыдно, и я плакала.

Во время рекреации все на меня смотрели. Одна из старших спросила:

— Любишь ли ты женщин?

Я подумала, что она говорит о надзирательницах и ответила, что г-жа воспитательница была со мной мила.

Другая предложила мне:

— Хочешь за меня выйти замуж?

* * *

Крепость клермонских девушек расположена на лесистом холме, который служит городским парком. Деревья растут даже во рвах. Обходя высокие стены, я заметил искривленный дуб, выросший под крытым сводом. Вместо неба ветви его встретили тяжелый камень, они все-таки добрались до открытого воздуха, но ствол искривился в поисках солнца...

Все существа, живущие здесь, нуждаются в солнце, даже маленькие заброшенные продавщицы цветов.

* * *

Его находят, где могут. Классные уроки превращаются в часы мечтаний. Тут есть бумага и карандаш. «Старуха» не может уследить за всеми. Пишут записки.

Надо положить листок бумаги на колени и писать, устремляя взоры в потолок.

— Болит рука, так как у меня неудобное положение, и я боюсь попасться...

«Моя милая Нана.

Я не хочу, чтобы ты говорила, что я тебя бросаю. Ты меня огорчаешь, ты прекрасно знаешь, что твоя Вайо не забывает тебя...

Я так давно не говорила о любви...»

В дортуаре бодрствует:

— Когда они дали мне потихоньку французскую булавку, я не поняла. Когда я узнала, что они вонзают ее себе в тело, я испугалась.

Лишь много позже Ивонетта написала мне записку, которую вы видите перед собою.

«Я видала, что ты обрадовалась французской булавке... Я пользуюсь этим, чтобы передать тебе ту, которую я обещала».

Как я была рада. Я была без ума от радости.

* * *

Некоторые из старших говорили мне:

— Пока ты меня не полюбишь, я буду отрезывать себе по кусочку тела.

И они делали это.

Анжель прибавила после некоторого молчания:

— Если бы вы только знали, что тут делают!..

* * *

Вам сказали, что темные карцеры не в употреблении. Это неправда. Берта Мэзон и теперь там сидит. Там тьма и холод. Все липнет. Не решаешься лечь на пол; если шевельнется мышь, вас охватывает ужас, потому что вы ее не видите, колотясь в дверь. Берта разбила до крови кулаки. «Дядька» открыл и надел на нее смиренную рубашку.

* * *

Мари, Анжель, Берта!... Вы носите те же имена, что и наши дети!

ДУЛЛЕН

Г-н ПУПАР И ЕГО МАЛЮТКИ

Дуллен, сентябрь.

От Клермона до Дуллена несколько часов езды. Идет дождь... Поезд углубляется в бесконечный туман. Я покинул замок «Отверженных Девушек».

В дулленской крепости я прежде всего потребую показать мне места заключения и заставляю открыть все карцеры.

* * *

Это—сильная, большая крепость, давно утратившая свое военное значение. Испанцы воздвигли ее против Франции. Вобан повернул ее в сторону Фландрии. Впоследствии она превратилась в неизбежную башмачную мастерскую, которую официально называют центральной тюрьмой. Наконец, в 1914 году англичане поместили здесь канадский госпиталь.

Старый подъемный мост превратился в красивый спуск. Миролюбивые коровы щиплют во рвах траву. На стене, над дверью можно прочесть

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВУШЕК.

— Г-н директор, я хотел бы начать с карцеров.
— Вот они... но они пусты.
— Ни одной наказанной?
— Карцерное отделение было пустым, когда я приехал в Дуллен, таким оно и осталось. Я-то уж никого туда не отправляю.

Г-н Пупар наслаждается моим удивленным молчанием с видом знатока.

И прибавляет хитро:

— Вы из Клермона?..

Потом он потирает руки...

Добродушие г-на Пупара гармонирует с его именем... и с его толщиной. Его щеки, глаза... и живот полны приятности.

— Вы никогда не наказываете?..

— Извините, я даже сам изобрел самое страшное и самое действенное из наказаний...

Мы входим в швейную. При нашем появлении работницы в синих клетчатых передниках поднимаются с мест.

— Здравствуйте, малютки.

Они отвечают в один голос:

— Здравствуйте, г-н директор...

— Я привел к вам г-на Рубо, одного из редакторов «Ежедневной Газеты», который приехал в Дуллен вас навестить. Мне бы хотелось, чтобы у него составилось хорошее мнение о школе.

— Да, г-н директор.

— И если я буду недоволен, если опять будут дурные отметки, как в прошлом месяце, тогда все кончено...

Двадцать встревоженных лиц уставились на г-на Пупара, который заканчивает свою угрозу.

— Тогда все кончено, я больше не приду...

Теперь все двадцать ртов протестуют.

— Этого больше не будет. Мы вам обещали... Не все же виноваты... Я ведь получила лиловую ленту.

— Ты, Мари Жильяр, ты получила лиловую ленту? Очевидно, ее некому было дать...

* * *

В прошлом месяце, в одно из воскресений, во время распределения лент, г-н Пупар сократил свою речь. Он ограничился кратким заявлением:

— Я только-что роздал ленты, их немного. Я думал, что вы стремитесь доставить мне удовольствие. Я ошибся.

На другой день и следующие за ним г-н Пупар не заходил в мастерския. Его не было видно ни во дворе, ни в коридорах, он исчез...

На следующее воскресенье одна старшая воспитательница присутствовала при распределении наград.

Леони Матью первая нарушила молчание: она закрыла лицо руками и заплакала. Другие последо-

Жанна Рилле исполняет в настоящее время должность сиделки, но у нее уже есть своя кровать около пустой еще колыбельки.

— Как ты его назовешь?

— Жан.

— А если будет девочка?..

— Увидим... Я не знаю.

Маргарита Валантэн — маленькая, бледная, хрупкая девушка. Минуло ли ей семнадцать лет? Младенец смеется у нее на руках...

— Это маленький Валантэн?

— Да, г-н директор, это Анри.

Г-н Пупар щекочет своим толстым пальцем маленький носик ребенка, который широко раскрывает рот.

— Рири, Рири, это Рири!..

Элен Воре, брюнетка с живыми глазками, шьет маленькие штанишки.

— Это для маленького Воре?

— Взгляните на него, г-н директор.

В каютке № 7 маленький Воре крепко спит, сжав кулачки...

И мне внезапно приходит в голову:

— Когда маленький Воре проснется?..

* *

*

Когда маленький Воре проснется, когда он сделает свои первые неверные шаги, г-н Пупар уже устроит отделение для малюток.

— Нет... нет... я не отдам этих малышей попечительству. Материнское отделение в Дуллене только что организовано, но каждая мать останется при своем ребенке. Детское отделение начнет функционировать, как только малыши выйдут из своих колыбелек.

— А когда мать окончит свой срок?

— Она возьмет с собой ребенка... У него будет приданое, а у нее небольшие сбережения.

— Сколько?

— От двухсот до трехсот франков.

— Куда же они денутся?

Маленький Воре зашевелился, он вытянул ручонки. Мы говорили слишком громко.

— Шш... не разбудите его...

СТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ СЕРДЕЦ БИЛИСЬ ДЛЯ Г-НА БЛОНА

Дуллен, сентябрь.

Не следует думать, что 179 воспитанниц Дуллена тотчас же отдали г-ну Пунару, начальнику крепости, свои 179 сердец, которые бились для г-на Блона.

Год тому назад здесь еще царил г-н Блон. Это был добрый, морщинистый человек, с ласковыми глазами и всклокоченной бородой. Он приехал сюда из Кайенны, где заведывал каторжными работами.

— «Паяцы?»

— Да, г-н директор.

— Это хорошая вещьца... Спой мне ее...

— Я не смею, г-н директор.

Окружающие ожидали со страхом: кончится это приключение карцером или отделаются сухим хлебом на несколько дней?

— Г-жа надзирательница, позовите всех.

Рекреация была прервана, и все собрались вокруг г-на Блона.

— Дети, мы сейчас услышим мадемуазель Леони Маринье в «Паяцах». Ну что же, начинай...

Леони молчала. Он начал сам:

— Л ю б о в ь...

Леони сделала усилие и повторила упавшим голосом:

— Л ю б о в ь...

— Ну, громче.

Раздался смех. Подобной сцены заключенные никогда не видывали.

— Давай петь вместе.

И г-н Блон вторил могучим басом тоненькому голоску Леони.

Любовь нас всех крылами осеняет,

Любовь все наши беды устраняет.

Любовь нам утешение дает,

Любовь нам всем свободу принесет.

По окончании он хлопнул в ладоши и провозгласил:

— Я предлагаю чествовать мадемуазель Маринье.

И тут радость вырвалась наружу, мрачные лица просияли, маленькая Лутель продолжала вместе с другими хихикать в свой передник, а Германи Симон, которая не могла больше сдерживаться, забылась до того, что закричала во весь голос:

— Это чудесно!..

В удушливую атмосферу тюрьмы ворвался свежий воздух.

Тогда г-н Блон снова принял серьезный вид и знаком призвал к молчанию.

— Дети мои, не надо прятаться, чтобы петь хорошие песни. А эта как-раз очень кстати. Разве вы не чувствуете, как всех вас осеняет моя любовь? Разве я вас не люблю?.. Разве и вы не хотите немного меня полюбить?

А ваши «дамы», разве у них не такое же сердце, как у вас и у меня?.. Их жизнь немного приятнее, чем ваша.

В сущности, мы все тут несчастные. «Любовь» должна помочь нам переносить наши маленькие огорчения. Конечно, в семье гораздо лучше. И я бы хотел быть для вас, хоть немного отцом, чтобы вас утешить.

Вы только-что смеялись; я хочу, чтобы вы смеялись как можно чаще. Всегда грустно, если друг друга ненавидеть! «Любовь нам утепление дает».

Вы здесь не навсегда, но не хорошо, если по выходе вы унесете отсюда дурные воспоминания, нехорошо, если вы будете бунтовать и злобиться. Вы будете причинять зло, и вам его причинят. Все устроится, если приложить немного усилий... Всегда найдется добрый человек, готовый жениться на хорошей девушке...

«Любовь нам всем свободу принесет».

Так г-н Блон комментировал «Паяцев».

* * *

Но вот г-н Блон, который явился сюда с каторги, получил новое назначение. Какое это было отчаяние... Ни игр, ни песен во дворе...

Одна плакала, другие плакали, это так заразительно. Луиза Барон и Матильда Эвен, которые всегда хотят выделиться, поднялись на гласис—стена имеет восемь метров вышины—и бросились в ров.

* * *

Затем явился г-н Пупар. Никакое горе не вечно. Надо будет наблюдать за гласисом, когда г-н Пупар уйдет.

СМИРИТЕЛЬНАЯ РУБАШКА

Ни г-н Блон, ни г-н Пупар никогда не видели смирительной рубашки. Они сложены на чердаке, если только крысы их не уничтожили.

Но на Кларетт Манжен, которая попала сюда из Ренна, надевали ее, как и на многих других.

— И на Кларетт?

Она совсем не испорченная девушка. В Дуллене она не заслужила ни одного выговора. Она ни с кем не заводила предосудительных отношений. Но она проказница; она дает представления...

— Это мое ремесло, я — комедиантка.

Она была кассиршей в Ансенизе в «Русском Манеже», который содержал ее отчим. Механический оркестр гремел на двадцати медных трубах. На Кларетт были красные полотняные башмаки, белые штаны кавалерийского офицера, гусарский бархатный ментик, вышитый золотом, и черная барашковая шапка... Во время войны клиенты были немногочисленны; приходилось после каждых шести туров зазывать публику. И она танцевала на вертящейся подставке, скрестив на груди руки.

Попавши в Рени, она протанцевала казачка в дортуаре.

* * *

Туда ее отправили за «проституцию».

Но это—судебная ошибка, что может подтвердить дулленский доктор, который «нанес ей визит».

Вот как было дело:

Отчим ее, г-н Риболэ, желал ей зла... или, вернее, «ее желал».

— Это ясно уже из того, что мама сама дала мне денег на отъезд.

Она уехала в Париж и тотчас же стала работать на армию.

Она могла бы жить недурно.

* * *

Она приехала в полночь на Орсейский вокзал и не нашла места в гостинице.

Какой-то господин, приличного вида, заметил ее замешательство.

— Вы ищете дорогу?

— Я ищу отель.

— Уже поздно, они закрыты. Но я живу поблизости.

И он прибавил.

— У меня двенадцатилетняя девочка. Моя жена с удовольствием вас примет.

Прежде чем двинуться в путь, он купил в буфете холодного жареного цыпленка.

У него было очень прилично, но ни жены ни дочери не оказалось.

Он объяснил:

— Они, должно быть, остались в Кламаре у родителей моей жены. Я рассчитывал, что они вернутся. Но жена предупредила, что не стоит ждать после девяти часов.

Сели за стол. Она съела ножку цыпленка и выпила стакан белого мускатного вина, которое какой-то приятель прислал из Нанта. У него две комнаты: «его», с большою кроватью, и «дочкина».

Кларетт хочет направиться в маленькую комнату, он не протестует:

— Лучше не трогать кровати: моя жена увидит завтра, что кто-то здесь ночевал, и у меня будут неприятности.

Тогда она надевает шляпу и хочет уйти.

— Вас арестуют. Будут спрашивать, куда вы идете и откуда...

— Я скажу, что иду от вас.

Он испугался, дал ей улечься, поцеловав чересчур длительно, и вернулся в свою комнату один с проклятием:

— Распутная девчонка...

Утром, в 7 часов, он постучался, принес ей кофе, хлеба с маслом и не казался сердитым.

— Хорошо ли вы спали в постели моей дочери? Затем он попросту поцеловал ее в обе щеки и сказал:

— Простите меня.

Когда она уходила, он предложил ей немного денег. Она отказалась и показала ему стофранковый билет, который мать дала ей на дорогу.

Доктор пенитенциарной школы может еще раз подтвердить, что Кларетт Манжен сама сумела себя уберечь.

年 月 日

Этот билет и погубил ее.

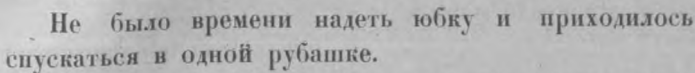
Когда агенты задержали ее вследствие телеграммы из Ансениза, она не захотела сознаться, что г-жа Раболэ принимала участие в ее отъезде, так как г-н Раболэ был не в ладах со своей женой.

Она зарабатывала по десяти франков в день в течение недели, но этого было недостаточно, чтобы объяснить сбережения в сто франков. И она попала в Ренн.

В Ренн были отправлены воспитанницы из Дулленской крепости, где поместили канадский военный госпиталь.

Казачка она протанцовала в дортуарах св. Мадлены далеко не в первый же вечер. Почти каждую ночь, при малейшем шорохе «старуха» призывала сторожей. Они являлись вчетвером, поднимали с кровати четырех воспитанниц, срывая с них одеяла.

— Ну, вас, скорей...

Сторожа вели их в класс и надевали смиренную рубашку.

Смирительная рубашка?

У нее два глухих рукава, стянутые тесемкой, куда заправляют концы пальцев, стягивая их, как можно сильнее.

Затем вам загибают руки назад в форме андреевского креста, так что левая рука приходится на правом плече, а правая на левом.

Рукава перекидываются вперед, как скрещенные подтяжки, и обматываются вокруг талии.

Достаточно стянуть талию, и стягиваешь все тело. Сторож тащит с одной стороны, надзирательница с другой; если сильно стягивать, грудь сдавливается, и фигура делается сторбленной, как у старушки.

Сперва задыхаешься, как от холодного душа, затем кровь бросается в лицо.

Если девушка лишается чувств, сторож торопится. Он не теряет времени на развязывание, а разрезает рубашку ножницами.

Особенно после несчастья с маленькой Мазурье в отделении св. Габриила.

— Мазюрье?

— Это ни для кого не тайна. В скорбном листке был помечен удар, но она умерла в смиренной рубашке.

* * *

Кларетт Манжен была в первый раз замечена, когда г-н директор неожиданно появился на дворе во время рекреации.

Она просто сказала:

— Чорт возьми... Вот и «батька».

И получила пять дней карцера без смиренной рубашки. Но надзирательница и сторожа ее заметили.

В тот вечер, когда она протанцовала казачка перед своей кроватью, она сразу попала.

Г-н Галенн, старший сторож, занялся ею специально.

Она пробыла в тисках восемь часов вместе с Мадлен Орок и Сюзи Латуш, которые аккомпанировали ее танцу, хлопая в ладоши.

Наконец, г-н Галенн смилился.

— Я вас развяжу, если вы попросите прощения, как следует.

Нужно встать на колени и лечь на пол. Так как руки связаны, то приходится ползать, не имея возможности подняться.

* * *

Затем уже плывешь по течению. Кларетт всегда была обречена, что бы она ни сделала. Ей случилось

по пятнадцать дней под ряд оставаться в карцере в смиренной рубашке: ее не развязывали.

— Но как же...

— Вы, г-н Рубо, видели карцеры, в каждом из них есть дыра: устраиваешься, как умеешь...

* * *

Что касается супа, то ведь нет ни стола, ни скамьи... ни рук.

Надзиратель ставит миску на пол и уходит. Он как-будто нарочно ставит ее неподалеку от дыры, которая всегда испачкана.

Остается только толкнуть миску ногой, лечь плашмя и есть свой суп на полу.

— Вы плачете?

— Мне стыдно.

* * *

У Кларетт Манжен небольшое лиловое пятно на шее.

— Я воткнула сюда булавку, но не по извращенности.

— Так для чего же?

— От досады.

— Но вы же сделали себе больно...

— Мне хотелось страдать от чего-нибудь другого, а не от моего несчастья.

ШКОЛА КАТОРГИ

ШКОЛА КАТОРГИ

Когда «Еженедельная Газета» поручила мне обследовать исправительные колонии и пенитенциарные школы, милейший директор этих заведений, г-н Ежен Леру, был, повидимому, очень доволен.

— Надеюсь,—сказал он мне,—вы разрушите легенды о детских тюрьмах, которыми так охотно питается наша фельетонная пресса. Заведения, которые вы посетите, не имеют ничего общего с тюрьмой. Это просто профессиональные школы.

Я выбрал три типичных школы:

Аниан, где обучаются индустриальные рабочие, Белиль, где готовятся земледельцы и моряки, и Дуллен, откуда выходят прислуги и портнихи.

Я посетил также два исправительных дома, куда они отправляют свои отбросы. В Эйсе — для мальчиков, в Клермоне — для девочек.

Заведующие этими заведениями любезно пошли мне навстречу, и я очень стыжусь своей неблагодарности по отношению к ним. Это интеллигентные работники, которые выполняют свою тяжелую задачу с возможной гуманностью, но которые не могут со своими ограниченными полномочиями и в узких рамках

Население исправительных колоний состоит:

1. Из несовершеннолетних, приговоренных к тюремному заключению.
2. Из несовершеннолетних, оправданных по суду.
3. Из питомцев попечительства, которые вызвали недовольство своей мачехи.
4. Из детей, наказанных отцом или опекуном в силу родительских прав.

Среди первой категории я видел отцеубийц, убийц-дилетантов, девочек-убийц... одним словом, чудовищ. Их пороки неисправимы.

Но остальные три категории, — это просто несчастные дети.

Все их преступление — в том, что они родились.

Я видел четырнадцатилетнего мальчика, который в компании с двадцатипятилетним молодым человеком украл велосипед. Велосипед стоял у кафе, опираясь pedalью на тротуар. Молодой человек сказал ребенку: «Пойди, возьми мой велосипед, он в красной раме, приведи его мне сюда за угол, и я дам тебе пять франков».

Ребенок, конечно, понимал, в чем дело; краткая и легкая работа была оценена слишком дорого, она не могла быть честной. Оба были арестованы и предстали перед судом.

Старший вор был приговорен к 15 дням тюрьмы.

Маленький оправдан, но его направили в пенитенциарную колонию. Там он останется до совершеннолетия, т. е. в течение 7 лет.

Их поместили к крестьянам. Четырнадцатичасовой рабочий день летом, самые тяжелые работы зимой, побой... Они удрали.

Наконец, родительские права дают место самым ужасным злоупотреблениям. Бывший директор «Петит Рокетт» знал среди своих воспитанников тринадцатилетнего мальчика, которого мать отдала на исправление на три летних месяца, чтобы без помехи провести каникулы со своим любовником.

Совершенно недопустимо, чтобы дети были жестоко наказаны, ни в чем не провинившись; еще более возмутительно, что под предлогом перевоспитания их развращают.

Директор одной колонии, которую я не видел и не хочу называть, сказал мне:

— Все, что претерпевают наши дети, не имело бы значения, — если бы их действительно спасали. Но я утверждаю и могу доказать, что все или почти все кончают Гвианой.

И он добавил, говоря о своем собственном заведении:

— То, что я видел в этом доме, прямо-таки не поддается описанию, и мне было бы стыдно так

долго оставаться в этой клоаке, если бы я не сделал все, что только мог, чтобы ее очистить.

— Если бы какой-нибудь гений зла стал искать состав бульона для культуры микроба порочности и преступления, он не мог бы найти ничего лучшего, чем «исправительная колония».

* * *

Порочность в особенности.

В пенитенциарных школах девушки живут в заражительной атмосфере истерии.

То же половое извращение встречается в менее болезненных, но более грубых формах в колониях для мальчиков.

Совершенно понятно, что я принимаю меры, чтобы не скомпрометировать служащих, которые дали мне разъяснения, и сохранить анонимность воспитанников, подтверждавших это своими показаниями. Но я могу привести отрывок письма, адресованного мне воспитателем одной из южных колоний.

«Подростки 14 лет, маленькие бродяжки, подобранные на улицах Гренеля или на марсельских набережных, сбежавшие воспитанники попечительства смешиваются с 17-летними грузчиками порта, чрезвычайно опытными. Малыши во всем уступают старшим, оставляют им десерт, слушаются их.

*

Я мог бы привести и другие свидетельства. К чему? Ни один директор, ни один воспитатель, ни один надзиратель не решатся меня оспаривать.

Все эти служащие, если у них и имеются самые благие намерения, бессильны перед системой, которая в корне неправильна.

Непосредственный надзор за детьми поручен надзирателям, почти всегда полуграмотным. Все их профессиональное образование сводится к умению запереть двери или избить негодяев. Они вносят присущий им дух военной дисциплины. Воспитанники для них — дикие звери, которых надо укрощать, оберегая себя от укусов.

Но дети, проклятые от рождения, будут завтра взрослыми. Самые справедливые из них будут особенно остро чувствовать несправедливость своей участи и особенно резко ею возмущаться.

* * *

Ни исправительных домов, ни патронажей.

Государство должно выполнить двойной долг: долг справедливости и социального предвидения.

Дети, морально или материально заброшенные, принадлежат ему; оно — их опекун, оно называет их «своими питомцами», оно должно воспитывать их достойно, не в тюрьмах, а в школах.

Я знаю, что названия «исправительные дома» стерты с ворот. Теперь надо скрыть и самые стены.

Я не имею претензии одним ударом разрешить столь трудную проблему. Но надо устроить настоящие профессиональные школы, включающие среднее образование, заменить надзирателей учителями или заведующими мастерской, надо дать этим несчастным малышам, которые ни в чем не повинны, мягкую дисциплину и комфортабельный режим наших лицеев.

Кредиты, необходимые для уничтожения каторги, будут брошены на ветер, если не будут в то же время найдены другие кредиты для упразднения школы каторги.

ДОКУМЕНТЫ

I

Монпелье, 6/ix 1924 г.

Милостивый Государь.

Я с интересом слежу за Вашими корреспонденциями об Эйской колонии.

Я прожил семь лет в этом заведении. Наши окна выходили на территорию исправительного дома. Как сейчас вижу эти треугольные дворы, радиусами расходящиеся вокруг маленького здания, откуда надзиратель наблюдал два раза в день за прогулкой детей; я все еще слышу песни колонистов в камерах, звон ручных кандалов и железа, когда кто-нибудь из непокорных дубасил кулаками в стену, чтобы вырваться на свободу, и на крики приходил надзиратель и принимался их лупить.

В основе так называемого исправительного воспитания лежат три серьезных дефекта:

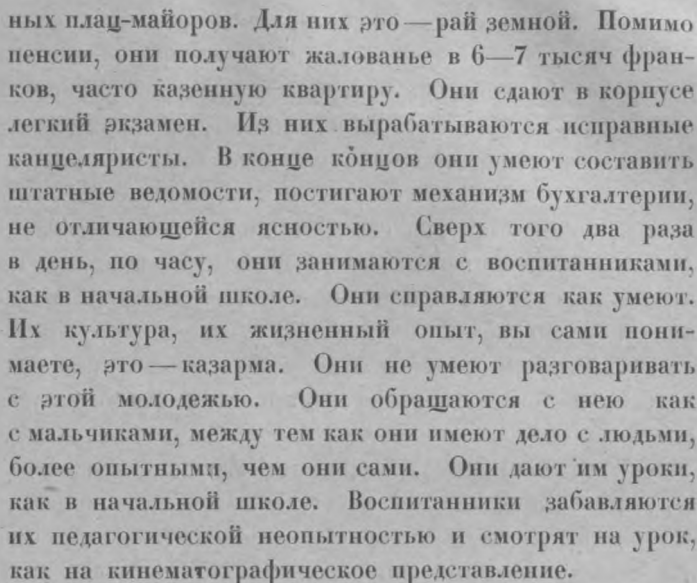
1. Отсутствие грани между теми, кого можно и должно спасти, и закоренелыми преступниками.
2. Низкий интеллектуальный и моральный уровень наблюдательного и административного персонала.
3. Пустота и ограниченность предлагаемого воспитания.

Персонал — жалкий. До войны они получали 1.100 франков и кончали 1.600. В любой профессии они могли бы зарабатывать свой хлеб с меньшим трудом и с меньшими опасностями. Нередко они невежественны, я знаю даже неграмотных. Колонисты не только ненавидят их, но и презирают. Они находят их часто похожими на себя, грубыми и невежественными. Количество кандидатов огромно — надзиратели, полицейские и жандармы — в кандидатах нет недостатка. Справьтесь в министерстве, среди них нередко встречаются и пьяницы. Колонисты издеваются над этими неудачниками, не далеко ушедшими от них в своей примитивности. Они не имеют никакого морального авторитета и часто прибегают к превосходству, которое дает им их мускулатура. Я не скажу, чтобы они всегда были правы.

Большая ошибка: они обращаются с колонистами на ты, начальство также, и от этого теряют в значительной мере свой авторитет. Колонист — человек, иногда с червоточинкой, но все же человек. Они лишены всякого морального воздействия. Они стоят целыми часами, прикованные к своему посту без всякого дела. Мастер — тот выполняет полезную работу, учит воспитанника, возвышается над его средой, может воздействовать на него. Простой надзиратель остается тюремщиком.

Административный персонал тоже немного стоит. Большинство — из старых унтер-офицеров, из отстав-

Директор—комический персонаж, прошедший всю жизнь за цифровыми выкладками и составлением отчетов. Несколько учителей министерских школ, которые многое забыли и малому научились. Некоторые из них — юристы; таких немного. Я знаю двух интеллигентных директоров: один даже выдающийся, прекрасно образованный, — г-н Бартлес; другой — из учителей, лицензиат-юрист, весьма гордый своим авторитетом, г-н Робер.

Я знал одного среди них бывшего коммивояжера, продававшего пуговицы для ботинок, другого из надзи-

рателей, еще одного надзирателя, достигшего с помощью каких-то политических влияний, высших ступеней. Это — мелкие деспоты, материально недурно устроившиеся; у них есть сад, бесплатный труд колонистов, даже для домашних услуг, что составляет некоторую экономию. Я знаю одного, который пользуется экипажем колонии для своих личных надобностей.

Словом, редко встречаются ценные люди с солидным образованием и попавшие в администрацию по конкурсу.

Я знаю одного — г-на Рено в Монпелье — прекрасного латиниста, помимо всего прочего. Но это большая редкость...

Обыкновенно это — администраторы, застывшие в рутине, отнюдь не воспитатели. Чтобы импонировать заключенным, чтобы разговаривать с ними, пробуждать в них искру совести, формировать их ум, приоткрыть им достойную, трудовую жизнь, нужны люди совсем иного склада, усвоившие настоящую, общую и... юридическую культуру. По странному парадоксу, с 1910 года исправительное ведомство причислено к министерству юстиции, но никогда ни прокурор республики, ни председатели трибуналов не интересуются тем, как применяется наказание и какие получаются результаты. Нет никакой связи между судьей, который приговаривает к заключению, и исправителем, который должен был бы воспитывать и поднимать личность преступника.

Другой бич: бесхозяйственность и воровство. Начальство пользуется дешевизной колониального труда. Мебель, обувь, даже одежда изготавливаются в мастерских, предназначенных для других целей.

Если бы здесь только использовался дешевый труд, куда ни шло. Но наблюдается и воровство. Кладовая слишком часто обслуживает стол эконома. Сделайте опыт. Зайдите без предупреждения в квартиру старого исправительника, и это будет необыкновенный случай, если вы не найдете там стульев, постелей, одеял в несколько домашнем стиле.

Каким образом, скажете вы, эти злоупотребления не караются? Ревизии бывают иногда, но ревизоры по административной части часто сменяются. Они переходят от благотворительных учреждений к исправительным колониям, не имея времени войти в дело. Некоторые из них—папенькины сынки—доктора прав, быть может, но круглые невежды. Они видят то, что им хотят показать. Часто они не умеют проверить бухгалтерских книг, в хозяйстве и подавно не могут разобраться. В производственной колонии, как Аниан, кроме книг, куда вносятся поступающие сырые материалы (дерево, железо, сукно и пр.) и исходящие продукты (изготавливаемые в мастерских инструменты, одежда, обувь), ведутся книги, учитывающие процесс переработки, использование сырых материалов. Здесь-то и скрываются злоупотребления, бесхозяйственность, а иногда

и растраты. Это знаменитый 21 разряд. Поступит 10 кило кожи. Выходит 4 кило обуви. 6 — 7 кило отнесены на счет «отбросов». Разумеется, неизбежно, что в колонии, которая является своего рода профессиональной школой, бывает много отбросов, но часто под ними скрывается нелегальное производство. Финансовый ревизор мог бы разобраться в этих дебрях, но необходим важный повод, какой-нибудь донос для назначения финансовой ревизии. Я знаю одну, которая окончилась увольнением эконома. Но этот господин, который грешил небрежностью (я верю этому) и который недостаточно следил за кладовой съестных припасов, имел влиятельные связи. Его увольнение, уже подписанное, было отменено, и теперь он — начальник большой центральной тюрьмы.

Вспомните скандал с г-жей Ж., женой директора, которая, будучи матерью 8 или 10 детей, дарила своей благосклонностью одного колониста в Дуэре, близ Жайер (деп. Эры). Этот колонист воровал в кладовой мешки с зерном или с картошкой, бросал их через стену колонии, а по ту сторону ограды хлебный торговец из Гайона накладывал их на воз. Г-жа Ж... получала милые записки в ответ на свои любезности. Она была приговорена лувьерским трибуналом к 7 годам тюрьмы. Тем не менее ее муж был назначен директором нового заведения, основанного в Сэнт-А., откуда перешел в Эйс, где и умер.

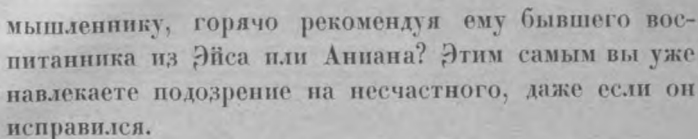
Я перехожу к 3 пункту. Здесь вы наблюдали достаточно. Чему учат заключенных? Всяким ремеслам, но ни одному, которое давало бы возможность жить.

В Эйсе фабрикуют только сетки для лошадей. Сетки 1 и 2 (я знаю этот жаргон) это — мастерския для наказанных, но там есть всякого рода мастерския и ферма.

В Аниане колония имеет виноградник (это винодельческий округ), ее экономическое положение очень интересно.

Колония сама производит свой свет и энергию. Ее динамо приводится в движение газовым двигателем. Есть мастерския: слесарная, медная, портняжная, столярная. Там изготовляют телеги, сельскохозяйственные орудия, котлы, одежду (гимнастерки, штатские костюмы для выпускаемых на волю), сапоги для армии. Разумеется, грехи случаются. Колонисты-ученики, которые мало стараются чему-нибудь научиться, слишком склонны портить инструмент, который они куят, изготовлять потихоньку зажигалки и маленькие пистолеты. Наконец, у воспитанников нет определенного задания.

Когда их выпускают на свободу, ни один хозяин не станет держать их. По правде говоря, они не заинтересованы в труде, они имеют хорошие отметки, почетную доску, и это дает им лишнее блюдо, дополнительную четверть вина или смехотворное вознаграждение. Им следует платить прилично, как платят

Еще худшая ошибка. Юношу, сидевшего взаперти, вы посылаете в Париж, где он жаждет воспользоваться своей свободой в той самой среде, где его изловили. Он найдет там ту же атмосферу нужды и порока, те же искушения, те же опасные связи. У него нет ремесла или же он плохо владеет тем, которому его обучали. У него нет достаточных средств, чтобы дожидаться места. Результат: он станет сутенером, каким был, и снова погибнет.

Что делать?

Отделять тотчас по прибытии детей несчастных и совсем невинных жертв вырождения от преступников или апашей, уже показавших себя; изолировать их, и для каждой категории установить особый режим.

Поднять умственный и нравственный уровень надзирателей, воспитать их самих, показать им, в чем состоит их роль воспитателя, привлечь их к общей работе. Не все они—звери... Среди них есть отцы семейств, честные люди в частной жизни, которые воспитывают своих детей. Они поймут.

Требовать от административного персонала хорошего общего и юридического образования. Требовать диплома юридического факультета, свидетельства

II

Нант, 13 октября.

Господин Рубо!

Позвольте тому, кто говорит с вами, сохранить строгую анонимность по вполне уважительной причине. Я № 2206 по спискам белильской колонии, я провел в ней пять лет, я страдал. Нас было в семье шесть человек. Однажды я, чтобы поесть, украл; мне было 14 лет; меня поймали, приговорили до совершеннолетия. Я пошел добровольно в армию, началась война. Три раза ранен. Нашивки капитана. Крест Почетного Легиона. В настоящее время я занимаю место торгового директора в одном из самых крупных производств в Нанте. Вот что заставляет

Есть и учителя, но измотавшиеся за целый день работы... Что они могут сделать вечером за час или два! Детям нужен надежный руководитель, решившийся их спасти, апостол. Какой для него открывается благодарный труд!

Вы были в Белиле, и никто не говорил вам о дядюшке Черепе... О, я прошу вас: расскажите о нем в одной из ваших статей. Что такое был дядюшка Череп? Учитель музыки в колонии. Никто никогда не называл его иначе, как дядюшкой Черепом.

Он тоже был «надзирателем», но у него было доброе сердце и ум. Для нас он стал отцом.

Его безвестный подвиг был огромен. Сколько детей за его долгую, более чем двадцатипятилетнюю службу прошло через его руки.

Своей добротой, своим характером он всем без исключения умел внушить желание стать когда-нибудь человеком. Его доброта имела дар пробуждать в наших детских сердцах самые сладостные надежды.

— Музыкант, — говорил он нам, — найдет себе место во всех условиях жизни...

Какое мужество, какая ревность, какие надежды! И как полезны были для общества результаты его работы. Сколько детей обязаны ему своим положением. Какая красноречивая статистика — эти сотни детей, воспитанные им, которые теперь уже отцы семейств, занимают нормальное положение в обществе. Тысячи

Развитие темы.

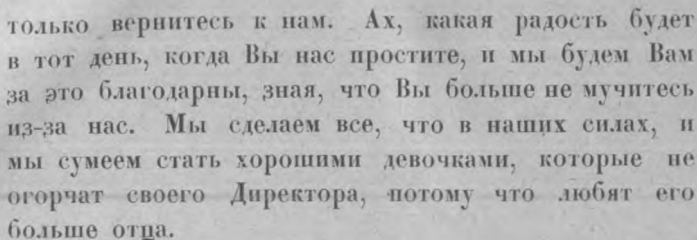
Господин Директор.

Имею честь писать Вам, чтобы сказать Вам, как мои подруги и я страдаем от мысли, что некоторые из нас Вас огорчили. Но теперь они очень сожалеют об этом. То, что было сказано, не имело дурного смысла. Они сознают также, как тяжело лишиться Ваших посещений, которые нам так дороги.

Когда мы случайно встречаем Вас, мы с трудом останавливаемся и кланяемся. Нам хотелось бы, как прежде, побежать к Вам навстречу и сказать: «Здравствуйте, Господин Директор». Мы заметили также, что Вы печальны, и все это из-за нас. О, Господин Директор, простите нас. Мы раскаиваемся. Мы просим Вас не оставлять нас. Что мы будем делать без Вас: мы почти все не можем рассчитывать на наших родителей, Вы — наш отец.

Господин Директор, мы сделаем все, чтобы загладить нашу вину, и мы будем также хорошо вести себя, получив Ваше прощение. В мастерской мы больше не разговариваем, мы работаем как можно лучше и всюду, куда мы идем, мы соблюдаем дисциплину.

О, Господин Директор, вернитесь. Не оставляйте нас. Мы не просим у вас отменить наказание, но

Примите, Господин Директор, заранее нашу благодарность и наш почтительный привет.

Ваши воспитанницы

м л а д ш и е.

IV

ИЗ ТАЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ В КЛЕРМОНЕ

Ненет, красавица моя.

Еще один маленький подарок, чтобы доказать тебе, что твоя Жижель не перестала любить тебя. Да, моя милочка, я тебя люблю и часто думаю о тебе, хотя и не показываю этого.

Ты не хочешь мне верить, однако это правда. Ты — единственная женщина, которая нравится мне здесь, в колонии, потому что, веришь ли, моя возлюбленная девочка, ты сумела покорить мое сердце взглядом твоих прекрасных черных глаз, которые я люблю безумно.

О, моя любимая девочка, как я хотела бы ласкать тебя в своих объятиях и опьянять тебя ласками. Маленькая обожаемая куколка, как для меня сладко думать об этом счастье, но, увы, я не смею в него верить, и однако это было бы самым большим моим желанием.

Наконец, моя обожаемая брюнеточка, я надеюсь, что ты не заставишь страдать твою Жижель, потому что стоит лишь захотеть, и мы обе будем счастливы. Я не знаю, будешь ли ты со мною, я требую от тебя ответа на этот вопрос, и скажи мне, что ты думаешь. Наконец, если ты хочешь быть в сношении со мной, я согласна, хотя я лучше бы хотела жениться на тебе.

Наконец, лишь бы ты разговаривала со мной, это все, чего я прошу.

Наконец, моя любимая, я надеюсь, что ты дашь мне благоприятный ответ и что ты будешь моей обожаемой куколкой, потому что я никогда не сумею сказать тебе, как я тебя люблю, Ненет, красавица.

Расставаясь с тобой, моя ненаглядная крошка, целую твои розовые губки и покрываю тебя нежными поцелуями и безумными ласками. Отдаю тебе свое сердце в жгучем поцелуе любви.

Та, которая любит тебя.

Спи спокойно, бай, бай, моя красавица.

Анжела.

Моя маленькая Нана.

Видишь, я не забыла тебя, как ты думаешь.

О нет, моя Нана, я попрежнему люблю тебя, хотя не часто бываю с тобою.

Я не хочу, чтобы ты говорила, что я тебя бросаю. Ты заставляешь меня страдать. А потом ты ведь хорошо знаешь, что твоя Вейо тебя не забыла.

Знаю, тебе должно казаться странным, что я всегда с Марией, но знаешь, вот уже давно, как я не говорила о любви.

Признаюсь тебе, я чувствую, что люблю ее, но сомневаюсь в ней. Я думаю, что она любит Т.

Дорогая, я скоро буду возле тебя. Я попрошу назначить меня на уборку.

Расставаясь с тобою, нежно тебя обнимаю.

Вейо.

П. М. В.

Знаешь ли ты, моя дорогая малышка, что я помирилась с моей Марией. Я внимательно наблюдала за ней с Т.

Мне недолго уже осталось, и мне будет грустно уходить, оставляя тебя страдать в этом доме.

Желаю тебе счастья в этом году, моя любимая дочурка. Несмотря на все муки, вынесенные ради тебя, я приношу тебе сегодня самые нежные пожелания счастья в этом году. О да, малышка, прими от своей маленькой мамы, которая всегда тебя любит, тысячи пожеланий.

Я думаю, что скоро мы будем на воле, не будем больше страдать в этом проклятом доме.

Ты, моя девочка, можешь сказать, что много мук вынесла здесь, но твоя Вомет сделает тебя счастливой и даст тебе блаженство, потому что, поверь мне, милочка, я сдержу свое обещание во всем, что я тебе говорила, потому что слишком тебя люблю... после того, что мы с тобой сделали.

Да, ты была моей первой женщиной, которую я никогда не забуду. Прежде я не знала, что такое женщина, а теперь я знаю. Доказательство то, что я тебя люблю.

Вомет.

Не знаю, передала ли тебе начальница яичко, которое я дала ей для тебя. Я взяла его и сказала ей: это для моей маленькой Тотор, которая очень больна.

Ты видишь, что твоя Рири часто думает о тебе. Благодарю тебя за твой маленький подарок, который

я получила и который доставил мне большое удовольствие, моя маленькая, святая, бедная крошка. Ты выдержишь еще страданий в своей жизни. Я страдала. Это был ужас, когда я была молода и приходилось ночью спать в коридоре, а было не очень-то тепло.

Но, моя маленькая красавица, когда мы выйдем отсюда, мы будем обе очень счастливы, особенно с тобой, с которой мы вместе страдали, и ничто не будет разделять нас, как в этом проклятом доме.

И подумать, что нужно было прийти сюда, чтобы быть вместе, провести, обнявшись, дивную ночь. Однако мы были очень утомлены с дороги, и я отдалась в эту ночь любви, как и ты. Этого я никогда не смогу забыть, потому что для меня это мое самое счастливое воспоминание.

Я буду так счастлива, как и мамочка, которой я причинила столько горя. Бедняжка, если бы она знала, когда я выйду отсюда, что я покину ее вторично. Какое это будет для нее горе.

Р и р и.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стран.
Э Й С	
У меня четыре приятеля	9
Сетки	16
Суд	21
Тюремные портреты	27

А Н И А Н	
Аниан	37
Кровь в мастерских	43
Певчие	46
«Трудно остаться честным»	47

Б Е Л И Л Ь	
Красное солнце, наполовину погруженное в море	51
Фемистокл правит бал	56
Кутанзо недоволен	61
Тома был обжора	62
«Песок» и «вода»	63
«Копмас» и «линек»	64
Геноле болтал в дортуаре	65
Я плохо рассказал историю «Дарпена»	66
Я извиняюсь перед г-ном Маркет	67
Мой приятель Кутанзо	—
«Девка»	68

К Л Е Р М О Н

Башня падших девушек	77
«Записки»	83

Д У Л Л Е Н

Г-н Пунар и его маляutki	91
Сто семьдесят девять сердец бились для г-на Блона	96
Смирительная рубашка	102

Ш К О Л А К А Т О Р Г И

Школа каторги	111
-------------------------	-----

Д О К У М Е Н Т Ы

Письмо первое	121
Письмо второе	131
Классное сочинение в Дуллэне	134
Из тайной переписки в Клермоне	136

29910
6763

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Конча Эспина—Металлы мертвых. Ром. Пер. Т. Н. Герценштейн.

Ее же—Красная чаша. Роман. Пер. В. В. Рахманова.

Клара Фибих—Страдание. Ром. Пер. Г. И. Гордона.

Иоган Бойер—Великий голод. Ром. Пер. В. Харламовой и Н. Ледерле.

М. Андерсен-Нексе—Дети будущего. Расск. Пер. под ред. Н. Н. Шульговского.

Як. Вассерман—Лаудин и его семья. Пер. под ред. Э. К. Пименовой.

Луи Рубо—Дети Каина. Пер. О. К. Нечаевой.

А. де Ренье—Встреча. Ром. Пер. М. Н. Зигомала.

Г. Герман—Одним летом. Ром. Пер. И. Е. Хородчинской.

Марсель Роллан—Осман-Омолодитель. Роман. Перевод В. В. Рахманова.

Дж. Гэлсуорси—Фарисей. Ром. Пер. Э. К. Пименовой.

Его же—Белая обезьяна. Ром. Пер. Н. Д. Вольпин.

Шервуд Андерсен—Мрачный смех. Роман. Перевод О. К. Булановой.

Фанни Хёрст—Манекен. Ром. Пер. Л. М. Гаусман.

Анри Барбюс—По ту сторону. Повесть. Пер. Ю. Н. Султановой.

Морис Женева—Кролик. (Ром., удост. Гонкур. премии) Пер. С. А. Адрианова.

Дюфо и Дариус—Развратители. Ром. Пер. Т. А. Богданович.

Дж. Ол. Кэрвуд—Золотая петля. Пер. М. П. Чехова.

Его же—Сын Казана. Пер. М. П. Чехова.

Его же—Цветок севера. Пер. Зин. Львовского.

Его же—Скованные льдом сердца. Пер. Т. А. Богданович.

Его же—Старая дорога. Пер. А. М. Карнауховой.

Ридг. Кэллэм—Ночные наездники. Пер. Э. К. Пименовой.

Густ. Гейерстам—Тора. Ром. Пер. М. В. Ватсон.

Карин Михаэлис.—Женщина, ты же любишь любовь. Ром. Пер. В. Харламовой и Н. Ледерле.

Симон-Майер.—В Новой Каледонии (Воспоминания коммунара). Пер. Л. С. Савельева.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

СТЕФАНА ЖЕРОМСКОГО

в 10 томах, пер. Евг. Троповского

(при участии М. Н. Троповской)

1. Сизифов труд, повесть	1 р.	25 к.
2. Светлый луч, роман	— „	75 „
3. Бездомные, роман	1 „	50 „
4. Пепел, роман	— „	— „
5. История греха, роман	2 „	50 „
6. Шум пропеллера, роман	— „	— „
7. Верная река, роман	1 „	25 „
8. Распутица, роман	1 „	75 „
9. Откровение любви, роман	1 „	50 „
10. Вчера и сегодня, рассказы	— „	— „

110

Имя	Фамилия	Год
_____	_____	_____
_____	_____	_____

57

МГФУ	
Л	_____
Дата	_____

